Лето второго шанса

Автор:
Морган Мэтсон

Лето второго шанса

Морган Мэтсон

Вместе и навсегда

Меньше всего на свете Тейлор Эдвардс хотела бы снова провести лето с семьей в их домике в горах. Воспоминания о том, как она с позором сбежала из Лейк-Финикса пять лет назад, до сих пор преследуют ее. Но когда отец девушке получает шокирующее известие, вся семья единодушно решает провести лето вместе.

Оказавшись вдали от привычной обстановки, Тейлор начинает заново узнавать своих родных и понимает, что они – ее самая большая ценность. А еще девушка встречает бывшую лучшую подругу и парня, в которого когда-то была влюблена. Некогда самые близкие люди, теперь они совсем не рады возвращению Тейлор. Может ли девушка все исправить, ведь у нее есть только это лето? Но иногда даже мгновения бывает достаточно, чтобы воспользоваться вторым шансом.

Морган Мэтсон

Лето второго шанса

Morgan Matson

SECOND CHANCE SUMMER

Copyright © 2012 by Morgan Matson

© А. Авербух, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Глава 1

Я приоткрыла дверь спальни и, убедившись, что в коридоре никого нет, перекинула через плечо ремень сумки. Затем тихо закрыла за собой дверь и, шагая по лестнице через ступеньку, спустилась в кухню. Было девять утра, через три часа запланирован выезд к дому у озера, а я собралась убежать из дому.

Стол в кухне был завален пакетами с продуктами и списками маминых планов. Тут же стояла коробка с отцовскими флаконами оранжевого цвета для хранения лекарств. Стараясь не обращать на внимания на беспорядок, я направилась прямиком к черному ходу. Вот уже несколько лет я не удирала из дому, но была уверена, что это умение сродни навыку езды на велосипеде: учишься раз и навсегда. Правда, не помню, когда я садилась на него в последний раз. В то утро я проснулась в холодном поту, с колотящимся сердцем и могла думать лишь о том, что в любом другом месте мне будет лучше чем дома.

– Тейлор!

Я замерла, обернулась и в противоположном конце кухни увидела Джелси, мою двенадцатилетнюю сестру. На ней были старая пижама и блестящие балетки, но волосы она уже успела собрать в безупречный узел на макушке.

– Чего тебе? – Я шагнула от двери, стараясь принять непринужденный вид.

Она нахмурилась, уставилась на сумку, висевшую у меня на плече, и посмотрела мне в лицо.

– Что ты делаешь?

– Ничего. – Я прислонилась к стене, что, вероятно, должно было подчеркнуть мою непринужденность, хотя, кажется, никогда в жизни не принимала такой позы. – Чего тебе?

– Не могу найти свой айпод. Ты не брала?

– Нет, – отрезала я, еле удержавшись от того, чтобы сказать, что и пальцем не тронула бы ее айпод с балетной музыкой и записями кошмарной группы «Бентли Бойз», состоящей из трех братьев с идеально зачесанными на бок челками и сомнительными музыкальными талантами, которой она была одержима. – Спроси у мамы.

– Ладно, – медленно произнесла она, продолжая с подозрением глядеть на меня, затем сделала разворот на цыпочках. – Мам!

Едва оказавшись возле двери черного хода, я тут же отпрянула назад. Дверь распахнулась, и в нее попытался протиснуться мой старший брат Уоррен, неся в руках коробку наподобие тех, в какие фасуют товар в булочной, и лоток с кофейными стаканчиками.

– Доброе утро! – поздоровался он.

– Привет, – пробормотала я, с тоской глядя мимо него на улицу. Надо было улизнуть из дома на пять минут раньше и лучше через парадную дверь.

– Мама посылала меня за кофе и бубликами. – Брат поставил все принесенное на стол. – Ты ведь с кунжутом любишь?

Я терпеть не могла бублики с кунжутом, которые из всех нас только Уоррену и нравились, но сейчас не собиралась с ним спорить.

– Ну да, – быстро сказала я, – спасибо.

Уоррен взял стакан и отхлебнул кофе. Ему девятнадцать (он на два года старше меня), и он обычно носит брюки цвета хаки и спортивную рубашку с короткими рукавами, будто в любой момент его могут позвать председательствовать на каком-нибудь совете или сыграть партию в гольф.

– Где все? – чуть помедлив, спросил он.

– Понятия не имею, – ответила я, надеясь, что он пойдет разыскивать остальных. Брат кивнул и снова отпил кофе. По-видимому, он никуда не спешил.

– Я, кажется, слышала маму наверху, – сказала я, поняв, что Уоррен намеревается коротать утро, потягивая кофе и глядя в пространство.

– Скажу ей, что вернулся. – Поставив наконец стакан, он направился к двери, но остановился и, стоя ко мне спиной, спросил: – А он уже встал?

– Не знаю, – ответила я небрежно, пожав плечами, будто это был самый обычный вопрос, хотя еще несколько недель назад сама мысль, что отец в такой час мог спать или просто быть дома, показалась бы нелепой.

Уоррен снова кивнул и вышел из кухни. Я бросилась к двери.

Поспешно миновав подъездную дорожку от дома до Гринлиф-роуд, я глубоко вздохнула и самым быстрым спортивным шагом двинулась по тротуару. Может быть, стоило взять машину, но ведь некоторые вещи делаешь по привычке, а последний раз я тайком выбиралась из дому задолго до получения водительских прав.

Я заметила, что по мере удаления от дома постепенно успокаиваюсь. Здравый смысл подсказывал – рано или поздно все-таки придется возвращаться, но сейчас я старалась не прислушиваться к себе, а просто представлять, что этот день, да и все это лето, просто никогда не наступит. И чем дальше я уходила от дома, тем проще мне было в это поверить. Спустя какое-то время, я уже рылась в сумке в поисках солнцезащитных очков, когда услышала металлическое позвякивание и оглянулась.

Сердце у меня слегка екнуло: Конни из белого дома напротив, ровесница моих родителей, выгуливала собаку и приветливо махала мне рукой. Раньше я даже знала ее фамилию, но сейчас не могла вспомнить. Засовывая футляр от очков в сумку, я нащупала что-то, что на поверку оказалось айподом Джелси (ой!), который я, должно быть, схватила, приняв за свой. Избежать встречи с Конни можно было двумя способами – либо, нарушая все мыслимые правила приличия,

не обратить на нее внимания, либо отвернуться и бежать в лес. Но что-то мне подсказывало, что и в том, и в другом случае об этом будет незамедлительно доложено маме. Я вздохнула и, когда Конни подошла ближе, заставила себя улыбнуться.

– Привет, Тейлор! – женщина широко улыбнулась. Ее пес, туповатый золотистый ретривер, рвался ко мне, натягивая поводок, шумно дышал и вилял хвостом. Я посмотрела на него и попятилась. Мы никогда не держали собак, так что я любила их лишь в теории и достаточного опыта общения с ними не имела. Передачу для собаководов «Победитель» я смотрела гораздо чаще, чем следовало бы человеку, не имеющему пса, но это мне не помогало при столкновениях с собаками в реальной жизни.

– Здравствуйте, Конни, – ответила я, сразу начав разворачиваться в надежде, что она поймет, как я спешу. – Рада вас видеть.

– И я тоже, – машинально проговорила Конни, но я заметила, что, по мере того как она разглядывала меня, ее улыбка исчезала. – Сегодня ты какая-то необычная, – отметила она. – Такая умиротворенная, спокойная…

Поскольку Конни видела меня главным образом в форме Стэнвического колледжа – в белой блузке и колючей юбке-шотландке, – естественно, мой вид показался ей необычным, потому что, проснувшись утром, я не удосужилась даже причесаться. На мне были шлепанцы, обрезанные джинсы и застиранная белая футболка с надписью «Команда по плаванию города Лейк-Финикс». Признаться, футболка принадлежала не мне, но я присвоила ее так давно, что уже считала своей.

– Наверно, – сказала я, не переставая улыбаться. – Ну…

– Великие планы на лето? – лучезарно улыбаясь, спросила Конни, по-видимому, не подозревая, что я хочу поскорей закончить наш разговор. Собака, похоже, сообразила, что беседа будет долгой, повалилась к ногам Конни и положила голову на передние лапы.

– Да нет. – Я понадеялась, что на этом мы и разойдемся. Но Конни продолжала вопросительно на меня смотреть, и я, подавив вздох, произнесла: – Сегодня уезжаем в дом у озера на все лето.

– О, замечательно, – выдохнула Конни, – просто чудесно. А где он?

– В Поконах, – ответила я, и она нахмурилась, видимо, пытаясь сообразить, где это, а я добавила: – В горах Поконо, в Пенсильвании!

– А, точно, – она кивнула, но, судя по выражению ее лица, по-прежнему не представляла, где это, что вовсе не удивительно. Семьи некоторых моих друзей тоже владели домами, в которые выезжали на лето, но все они располагались в таких известных местах, как Нантакет или Кейп-Код, а не в горах северо-восточной Пенсильвании.

– Что ж, – Конни продолжала улыбаться, – дом у озера! Это здо?рово.

Я лишь кивнула, не решаясь ответить, поскольку не хотела возвращаться в Лейк-Финикс. Мое нежелание было настолько сильным, что я сбежала из дома, не имея, по сути, ни плана, ни снаряжения, если не считать айпода сестры.

– Так, – Конни потянула за поводок, отчего ее пес неуклюже поднялся на ноги, – обязательно передавай от меня привет маме и папе. Надеюсь, у них все благополучно, и… – она вдруг умолкла, ее глаза расширились, а щеки слегка порозовели. Я сразу распознала эти признаки, хотя и наблюдала их лишь последние три недели: Конни вспомнила.

Произошедшее не укладывалось у меня в голове, но последствия этого были мне на руку. На следующий же день каким-то образом узнала вся школа, включая учителей, но я так и не поняла, кто и зачем им сообщил. Однако только этой переменой и можно было объяснить тот факт, что я сдала на пятерки выпускные экзамены, в том числе тригонометрию, по которой мне реально грозила отметка «удовлетворительно». И если этого недостаточно, то вот другой пример: учительница английского, раздавая проверенные экзаменационные работы, положила мою на парту, задержав на ней руку, и мне пришлось посмотреть ей в глаза.

– Тебе сейчас, должно быть, тяжело учиться, – негромко проговорила она, как будто мы были наедине, хотя весь класс ловил каждое слово. – Просто старайся насколько сможешь, хорошо, Тейлор?

Я прикусила губу и самоотверженно кивнула, сознавая, что притворяюсь, делая то, чего она от меня ожидает. Разумеется, за экзаменационную работу я получила «отлично», хотя из «Великого Гэтсби» прочитала только самый конец, да и то по диагонали.

Все изменилось или, вернее, вот-вот должно было измениться. Но пока этого не случилось, и потому слова сочувствия производили странное впечатление, как будто мне говорили: «Как жаль, что у вас сгорел дом», – хотя он стоял невредимый, но рядом, ожидая своего часа, курился уголек.

– Передам, – быстро проговорила я, стремясь избавить себя от необходимости выслушивать очередной монолог о каком-то знакомом знакомых, который чудесным образом исцелился благодаря акупунктуре/медитации/тофу (не стоит ли и нам попробовать что-нибудь такое?). – Спасибо.

Эти речи произносили благожелательно, с частыми паузами, и я их уже слышать не могла без тошноты.

– Береги себя, – заключила Конни, вкладывая в эти слова особый смысл, и похлопала меня по плечу. В ее взгляде читались жалость, страх и желание держаться от меня подальше – раз это случилось у нас в семье, то может произойти и с ней.

– Вы тоже берегите себя, – я старалась сохранять на лице улыбку.

Она снова махнула мне рукой, и собака потащила ее дальше по улице. Только тогда, перестав улыбаться, я пошла в противоположном направлении, но теперь мне стало казаться, что бегством ситуацию не исправить. Что толку бежать, если тебе упорно будут напоминать о том, от чего ты убегаешь?

Последнее время я не испытывала необходимости удирать из дому, но еще несколько лет назад предпринимала такие попытки довольно часто.

Началось это с пяти лет. Меня раздражало, что мама все внимание уделяла малышке Джелси, а Уоррен не играл со мной. Я ушла, и с тех пор большой мир за подъездной дорожкой манил меня. Я уходила по нашей улице, просто желая узнать, сколько пройдет времени, прежде чем родители заметят мое отсутствие. Меня, разумеется, быстро находили и возвращали домой, но начало было

положено и побег стал моим излюбленным ответом на любое огорчение. Эти уходы стали настолько обычным делом, что когда я, обливаясь слезами, объявляла с порога, что ухожу навсегда, мама, едва взглянув на меня, лишь кивала и просила не опаздывать к ужину.

Готовая пострадать, я бы послушала и «Бентли Бойз», лишь бы отвлечься от мрачных мыслей. Я достала айпод сестры и вдруг позади услышала тихое урчание спортивного автомобиля.

Оборачиваясь, я уже знала, что увижу. Тут мне пришло в голову, что с момента ухода из дому, должно быть, прошло больше времени, чем мне казалось. За рулем серебристой машины с низкой посадкой, улыбаясь, сидел отец.

– Привет, малыш, – помахал он в открытое окно. – Хочешь, прокачу?

Понимая, что разыгрывать бегство из дома теперь просто бессмысленно, я открыла дверь и села рядом с ним. Он посмотрел на меня и приподнял брови.

– Что нового? – задал он свой обычный вопрос.

Я пожала плечами и уставилась в пол, на серые коврики под ногами, все еще как новенькие, хотя отец ездил на этой машине уже год.

– Знаешь, просто захотелось прогуляться.

Отец кивнул.

– Само собой, – сказал он совершенно серьезно, как будто поверил мне. Но мы оба знали, что? это было на самом деле – обычно в подобных случаях меня отыскивал именно отец. Казалось, он всегда знал, куда я отправлюсь, а найдя, не сразу вез меня домой, а сначала кормил мороженым, предварительно взяв обещание не рассказывать об этом маме.

Я пристегнула ремень безопасности. К моему удивлению, отец не развернулся, а поехал в прежнем направлении и затем свернул в центр.

– Куда едем? – спросила я.

– Нам, наверно, не помешает позавтракать, – ответил он и, останавливаясь на красный свет, мельком взглянул на меня. – Почему-то все бублики в доме – с кунжутом.

Я только усмехнулась, и когда мы подъехали к кафе «Стэнвич-Дели», вошла следом за отцом. Народу было много. Отец встал в очередь, а я ждала в сторонке, пока он закажет и расплатится. Блуждая взглядом по залу, я заметила Эми Карри, стоявшую ближе к началу очереди и державшую за руку высокого симпатичного парня в футболке с надписью «Колледж Колорадо». Я не очень хорошо знала Эми, которая только прошлым летом вместе с мамой и братом переехала в дом на нашей улице, но она улыбнулась и помахала мне, а я в ответ – ей.

Подошла наша очередь. Отец, расплачиваясь, что-то сказал, и кассир, молодой парень, рассмеялся. При взгляде на отца нельзя было представить, что с ним что-то всерьез неладно. Я посмотрела, как он бросил сдачу в банку для чаевых, стараясь не замечать ни худобы, ни слегка желтоватого оттенка кожи, ни утомленного вида, и глубоко вздохнула, изо всех сил стараясь не думать о том, что, по прогнозам врачей, жить ему осталось примерно три месяца.

Глава 2

– Нам обязательно это слушать? – в третий раз за последние десять минут простонала Джелси с переднего пассажирского сиденья.

– Можешь узнать что-нибудь новое, – сказал Уоррен с водительского сиденья. – Верно, Тейлор?

Я вытянулась на заднем сиденье и после этих слов опустила на глаза солнцезащитные очки и прибавила громкость айпода. От нашего дома в Стэнвиче (штат Коннектикут) до Лейк-Финикса всего три часа езды, но мне казалось, что более долгой поездки у меня в жизни не бывало. И поскольку брат вел машину как пенсионер (однажды ему выписали штраф за слишком медленную езду), мы тащились более четырех часов.

В старом, отделанном деревянными панелями «ленд крузере», который обычно водили мы с Уорреном, нас сидело всего трое. Родители поехали впереди на маминой машине, набив ее запасами на все лето. Большую часть пути я старалась не обращать внимания на пререкания брата и сестры из-за того, что именно слушать. Джелси не желала ничего, кроме «Бентли Бойз», а Уоррен требовал, чтобы поставили его компакт-диск с «Великими лекциями». Брат победил в последнем раунде, и лектор стал монотонно, с британским акцентом рассказывать о квантовой механике – я узнала о ней больше, чем хотела.

По этой дороге я не ездила уже пять лет, но все равно помнила каждый поворот. Родители купили дом в Лейк-Финиксе еще до моего рождения, и одно время мы проводили в нем каждое лето. Уезжали туда в начале июня, а возвращались в Стэнвич в конце августа. По будням отец оставался в Коннектикуте, а в выходные приезжал к нам. Лето для меня было главным временем года, и в школе я считала дни до начала каникул, мечтая о Лейк-Финиксе.

Но мое двенадцатое лето закончилось печально, и я испытала облегчение, когда было решено, что на следующий год мы не поедем в дом у озера. Тем летом Уоррен решил, что ему надо максимально улучшить аттестат, и записался на интенсивную программу подготовки в колледж при Йельском университете. Джелси недавно начала заниматься балетом с учителями и не хотела на лето прерывать занятия. А я, не желая возвращаться в Лейк-Финикс к той каше, которую там заварила, нашла себе летний океанографический лагерь (одно время я хотела стать морским биологом) и уговорила родителей отправить меня туда. И с тех пор каждый год случалось что-нибудь, что мешало нам провести лето в Лейк-Финиксе.

Джелси стала ездить в балетные «спящие лагеря»[1 - «Спящий лагерь» – название фильма ужасов, в котором необщительную девочку в летнем лагере обижают и подростки, и взрослые, но вскоре ее обидчики погибают от рук таинственного убийцы.]. Мы с Уорреном участвовали в летних программах (он строил игровую площадку в Греции, а я провела лето, безуспешно пытаясь освоить китайский методом погружения в Вермонте). Мама стала сдавать наш дом у озера: было ясно, что мы слишком заняты, чтобы всем вместе проводить там лето.

Нынешний год обещал быть таким же, как и предыдущие: Джелси планировала снова поехать в балетный лагерь, где теперь считалась восходящей звездой, Уоррену предстояла стажировка в отцовской юридической фирме, а я

собиралась просто позагорать. На самом деле я с огромным нетерпением ожидала конца учебного года. Мой друг Эван порвал со мной за месяц до окончания занятий, а все наши общие друзья, чтобы не раскалывать компанию, приняли его сторону. Внезапная потеря друзей и хоть какого-то общения при обычных обстоятельствах сделала бы перспективу отъезда из города на лето очень привлекательной. Но я не хотела возвращаться в Лейк-Финикс. Пять лет не ступала моя нога на землю Пенсильвании. Еще три недели назад мысль провести лето всей семьей никому и в голову не приходила, но теперь мы ехали в Лейк-Финикс.

– Прибыли! – радостно провозгласил Уоррен, притормаживая.

Я открыла глаза, села и огляделась по сторонам. В глаза бросилось обилие зелени – ярко-зеленые деревья и трава по обе стороны дороги. Деревья росли очень густо, лишь кое-где за ними угадывались подъездные дорожки и дома. Я взглянула на термометр: здесь было на десять градусов меньше, чем в Коннектикуте. Хотелось мне того или нет, но я снова вернулась в горы.

– Наконец-то! – проворчала с переднего сиденья Джелси.

Я вытянула шею, затекшую ото сна в неудобном положении. Впервые я была полностью согласна с сестрой. Уоррен поехал еще медленнее, посигналил и свернул на посыпанную гравием дорожку, ведущую к нашему дому. Все подъездные дорожки в Лейк-Финиксе имеют такое покрытие. По нашей я определяла, много ли прошло времени с начала каникул. В июне мне с трудом удавалось пройти босиком от машины до крыльца, я морщилась на каждом шагу – камни больно впивались ступни. А к августу кожа грубела, и на темно-коричневой предплюсне резко выделялись белые полосы от шлепанцев – и я уже с легкостью бегала по подъездной дорожке туда-сюда.

Я отстегнула ремень безопасности и подалась вперед, насколько позволяли передние сиденья, чтобы лучше видеть через лобовое стекло. Прямо передо мной расположился летний дом. Я сразу обратила внимание, что он точно такой же, как и прежде: темная древесина, остроконечный фасад, окна от пола до потолка и опоясывающая его со всех сторон терраса.

Потом я заметила собаку.

Она сидела на крыльце рядом с дверью и при приближении машины не поднялась, не убежала, а завиляла хвостом, как будто все это время только и делала, что ждала нас.

Уоррен заглушил мотор.

– Это что такое? – спросила Джелси.

– Где? – уточнил Уоррен. Джелси указала, и он прищурился, глядя через окно. – О, – сказал брат, и я обратила внимание, что Уоррен не собирается вылезать из машины. Он боялся собак, хоть и отрицал это, с тех пор, как няня-идиотка позволила ему в семилетнем возрасте посмотреть «Куджо»[2 - Куджо – кличка сенбернара из фильма ужасов режиссера Льюса Тига, снятого в 1983 году по одноименному произведению Стивена Кинга.].

Я открыла дверь и ступила на дорожку, желая рассмотреть собаку получше. Вид у нее был не самый привлекательный. Не крупная, но такую в сумку не положишь и случайно на нее не наступишь. Темно-рыжая шерсть торчала во все стороны, придавая ей какой-то игрушечный вид. Это была дворняга с непропорционально большими, стоячими, как у немецкой овчарки, ушами, короткой мордой и длинным, как у колли, хвостом. На шее собаки я обнаружила ошейник и прикрепленную к нему бирку с именем – псина была явно не бродячая.

Джелси тоже вышла из машины, но Уоррен оставался за рулем и, когда я подошла к нему, открыл окно.

– Я тут посижу… гм, займусь сумками, – пробормотал он, передавая мне ключи.

– Серьезно? – я с удивлением взглянула на него. Брат залился краской и быстро поднял стекло, будто эта собачонка могла броситься через окно на переднее сиденье «ленд крузера».

Я перешла через подъездную дорожку и, поднявшись на три ступеньки, оказалась на крыльце. Я думала, при моем приближении собака убежит, но она только сильнее завиляла хвостом, стуча им по доскам.

– Пошла, пошла отсюда! – сказала я, подходя к двери.

Однако собака и не думала уходить. Напротив, она тоже подошла к двери, всем своим видом показывая, что собирается войти в дом вместе со мной.

– Нет, – твердо сказала я, подражая Рэндольфу Джорджу, очкастому британцу, ведущему программы «Победитель». – Пошла! – Кажется, собака наконец поняла меня и отскочила, затем спустилась по ступенькам крыльца и с чрезвычайно недовольным видом пошла по гравию.

Убедившись, что опасность от норовистого представителя семейство псовых миновала, Уоррен открыл дверь, осторожно выбрался из машины и осмотрел подъездную дорожку. Других машин на ней не было.

– Мама с папой должны были уже доехать, – предположил он.

Я вытащила из кармана шортов телефон и, взглянув на часы, решила, что брат прав. Родители отправились на несколько часов раньше нас и, скорее всего, ехали все время со скоростью 60 миль в час.

– Джелси, можешь позвонить… – Я повернулась к сестре, согнувшейся так, что едва не касалась носом коленей. – Все нормально? – спросила я, наклонившись, чтобы увидеть ее лицо.

– Нормально, – ответила Джелси сдавленным голосом, – просто растягиваюсь. – Она медленно выпрямилась. Ее ярко-красное лицо на моих глазах приобретало свой обычный вид – становилось бледным, с веснушками, к концу лета более заметными. Джелси вскинула руки, образовав ими над головой безупречную окружность, потом опустила их и развернула плечи. На случай если ее пучок и грациозная походка недостаточно ясно указывали окружающим, что она занимается балетом, сестра имела обыкновение растягиваться на людях с завидной регулярностью.

– Как покончишь с этим, – спросила я, когда угол ее наклона назад меня всерьез встревожил, – сможешь позвонить маме?

Не дожидаясь ответа в духе «а ты сама не можешь?», я выбрала из связки нужный ключ, вставила его в замочную скважину и впервые за последние пять лет вошла в летний дом.

Осмотревшись по сторонам, я вздохнула, ожидая, что за несколько лет, пока дом сдавали посторонним, он сильно изменился – мебель передвинута, появились новые вещи – или возникнет едва уловимое чувство, что в вашем доме кто-то побывал. Мне, как трем медведям из сказки, это ощущение было хорошо знакомо. Например, вернувшись из океанографического лагеря, я сразу поняла, что, пока меня не было, мама мою комнату сдавала.

Но сейчас, внимательно все осмотрев, я этого чувства не испытала. Летний дом был именно таким, каким я его помнила. Как будто все это время он ждал моего возвращения.

Планировка первого этажа позволяла видеть все помещения разом, кроме спален и ванных комнат. Высокий потолок под двухскатной крышей пропускал сквозь окна солнечные лучи, освещавшие потертые половички на деревянном полу. Тут же находился и выскобленный обеденный стол, за которым мы никогда не ели и который давно служил местом для сушки мокрых полотенец и складывания почты. Справа располагалась кухня – крошечная по сравнению с нашей огромной, оборудованной по последнему слову техники кухней в Коннектикуте. Дверь из нее вела на застекленную террасу с видом на озеро. Тут мы обычно ели, за исключением редких случаев, когда шли проливные дожди. Сразу за террасой – спуск к нашему причалу на озере Финикс, а из кухонных окон можно наблюдать, как отражается в воде послеполуденное солнце.

Рядом с кухней, перед камином, – два дивана. Тут после обеда родители проводили время за чтением или работой. Далее находилась гостиная с диваном, обтянутым вытертым вельветом, на котором мы с Уорреном и Джелси любили посидеть вечерами. В одной из секций встроенных шкафов хранились настольные игры и пазлы, и обычно мы все лето посвящали какой-то определенной забаве. На самой верхней полке (чтобы труднее было достать) игра «Риск» – ее убрали подальше после того лета, когда мы так ею увлеклись, что проводили за игрой все свободное время, заключая тайные союзы, и вообще перестали выходить из дома.

Двери всех спален, кроме родительской, расположенной наверху, выходят в один и тот же коридор. Уоррену, Джелси и мне придется пользоваться

единственной ванной на первом этаже, и не могу сказать, что я от этого в восторге, поскольку в Коннектикуте у меня собственная ванная комната.

Я прошла по коридору в спальню, заглянув по дороге в ванную. Она оказалась гораздо меньше, чем в моих воспоминаниях, совсем крошечной, чтобы одновременно в ней находились сразу трое.

Дойдя до своей комнаты со старинной табличкой «Поместье Тейлоров» на двери, о которой уже успела позабыть, я рывком отворила дверь и занервничала в ожидании воспоминаний пятилетней давности. Но оказавшись в комнате, я ничего подобного не испытала, зато ощутила уют знакомой обстановки. Все было на своих местах: кровать со старым железным каркасом, красно-белым одеялом и низенькой выдвижной секцией на колесиках, деревянный комод с зеркалом в деревянной раме, старый сундук в ногах кровати, где хранились запасные одеяла на случай обычных в горах даже летом холодных ночей. Но ничего в комнате не напоминало обо мне. Дурацкие афиши с изображениями юного актера, кумира прошлых лет (с тех пор он прошел несколько курсов реабилитации, о которых много писали), висевшие над кроватью, сняли еще раньше. Награды, завоеванные нашей командой по плаванию, исчезли вместе с коллекцией блеска для губ, которую я собирала несколько лет. Мне подумалось, что так даже хорошо, ведь за прошедшее время срок годности косметики наверняка истек, но это все равно расстроило. Бросив на пол сумку, я села на кровать и обвела взглядом комнату в надежде найти хоть какие-то признаки того, что проводила здесь лето двенадцать лет подряд, но не заметила ни одного.

– Джелси, что ты делаешь?

Вопрос брата заставил меня отвлечься от своих мыслей и посмотреть, что происходит. Выйдя из комнаты, я увидела сестру, выкидывающую из комнаты в коридор игрушечных животных. Я уклонилась от летящего слона и встала рядом с Уорреном, с тревогой наблюдавшим за неуклонно растущей горой игрушек перед дверью его спальни.

– Что тут происходит? – спросила я.

– Мою комнату превратили в детскую, – ответила Джелси с презрительной гримасой и швырнула за дверь очередную игрушку – на этот раз пурпурную

лошадку, которую показалась мне знакомой.

В спальне Джелси, конечно, сделали ремонт. Теперь в углу стояли колыбель, рядом столик для пеленания, а на кровати высилась целая гора мягких игрушек, присутствие которых так оскорбило сестру.

– У жильцов, вероятно, был малыш, – сказала я, уклоняясь, чтобы не получить по голове мохнатой желтой уткой. – Может, подождешь, пока приедет мама?

Джелси закатила глаза. Подобные ужимки у сестры появились в этом году, и она использовала их, чтобы выражать самые разные эмоции. Сейчас она давала мне понять, насколько я отстала от жизни.

– Мама не появится еще час, – сказала Джелси, взглянула на очередную игрушку – маленького кенгуру – и повертела ее в руках. – Только что говорила с ней. Им с папой пришлось поехать в Страудсберг, знакомиться с новым онкологом. – Последнее слово Джелси выговорила старательно, как произносили его все мы, хотя несколько недель назад я вообще не знала о существовании такого врача. Тогда я думала, что у отца пустяковые, легко поддающиеся лечению боли в спине. В то время я даже не имела понятия, что такое поджелудочная железа, что рак ее почти всегда смертелен и что четвертая стадия – это приговор, которого боятся и стремятся избежать любой ценой.

Доктора, лечившие отца в Коннектикуте, разрешили ему провести лето в Лейк-Финиксе, но при условии, что он дважды в месяц будет показываться онкологу, а когда придет время, если не захочет ложиться в хоспис, пригласит на дом сиделку. Болезнь у него обнаружили довольно поздно, так что, судя по всему, сделать уже ничего нельзя. Поначалу у меня это в голове не укладывалось. В фильмах с подобным сюжетом всегда в последний момент находится какое-то лекарство, чудом обнаруживается нужное средство и никто не отказывается от борьбы за жизнь пациента. Но в реальности, как оказалось, все обстоит иначе.

Мы на мгновение встретились с Джелси взглядами, и я сразу перевела свой на кучу игрушек на полу. Никто из нас не сказал ничего о больнице или о том, что она означает для отца, но этого я и не ждала. Мы вообще не говорили о его болезни и старались избегать обсуждения тем, которые могли бы вызвать проявления чувств. Видя, как мои друзья ведут себя со своими близкими – обнимаются, делятся впечатлениями – я иногда испытывала не столько зависть,

сколько неловкость.

Уоррен, Джелси и я никогда не были близки. То, что мы такие разные, нашему сближению, видимо, не способствовало. Уоррен с дошкольного возраста проявлял недюжинные способности, так что ни для кого не стало сюрпризом, что прощальную речь по окончании старшей школы от имени класса произносил именно он. Наша с Джелси пятилетняя разница в возрасте не способствовала установлению теплых сестринских отношений, не говоря уже о том, что она, как никто на свете, умела вывести человека из себя. К тому же сестра увлекалась балетом, а мне это было совсем не интересно. Между Уорреном и Джелси тоже не было доверительных отношений. Мы никогда не были друзьями. Раньше мне хотелось, чтобы все было по-другому, особенно в младшем возрасте, когда я читала «Хроники Нарнии» или «Дети из товарного вагона»[3 - Классическая серия детских произведений, изначально созданных американской учительницей Гертрудой Чендлер Уорнер и опубликованных в 1924 году.], где рассказывалось о том, как братья и сестры заботятся друг о друге. Но вскоре стало понятно, что такая дружба между нами невозможна. Это не плохо – просто так сложилось, и никаких перемен я не ждала.

Меня в семье всегда считали обычной: Уоррен умный, Джелси талантливая, а я – просто Тейлор без каких бы то ни было выдающихся способностей.

Джелси снова принялась выкидывать игрушки из комнаты в коридор, а я поспешила вернуться к себе, решив, что и так чересчур много времени провела сегодня с братом и сестрой. Тут на глаза мне попалось что-то оранжевое.

– Эй, – я наклонилась и подняла с полу игрушку, показавшуюся мне знакомой, – кажется, это моя. – Небольшого плюшевого пингвина в полосатом оранжево-белом галстуке я помнила хорошо. Он заметно поистрепался: плюш, из которого он сшит, довольно дешевый, да и набивка повылезала сразу в нескольких местах. Но в тот вечер, когда я впервые поцеловалась с мальчиком, который выиграл для меня эту игрушку, она казалась мне лучшей на свете.

– Эту я помню, – в глазах Уоррена появился блеск, который мне сразу не понравился. – Та, что досталась тебе на карнавале? – У брата была фотографическая память, благодаря чему он запоминал даже самые незначительные факты, чтобы потом ими меня мучить.

– Ага, – пробормотала я, попятившись.

– Не некий ли Генри выиграл ее для тебя? – имя брат произнес с особой интонацией. Похоже, он мстил мне за то, что я высмеяла его страх перед безобидными собачками. Я грозно взглянула на него. Джелси с интересом наблюдала за нами.

– Какой еще Генри? – спросила она.

– Ну, знаешь, – на лице Уоррена расплылась улыбочка, – Генри Кроссби. У него еще есть младший брат Дерек, или как-то так. Генри был дружком Тейлор.

«Дэви», – мысленно поправила я Уоррена и почувствовала, как покраснели щеки. Хоть это и было смешно, но я поймала себя на том, что лихорадочно пытаюсь уйти от этой темы. Если бы был способ закончить этот разговор и при этом скрыть свою неловкость, я бы им воспользовалась.

– А, да, – медленно проговорила Джелси. – Кажется, помню. Он был так мил со мной. И знал названия всех деревьев.

– И… – хотел продолжить Уоррен, но я прервала его. Мне казалось, я больше этого не вынесу.

– Делай что хочешь, но это надо убрать до возвращения мамы, – сказала я громко, прекрасно понимая, что вряд ли мама станет кричать на Джелси, что бы та ни натворила. Но я хотела припугнуть ее перспективой нагоняя и ушла на кухню с таким гордым видом, с каким это только возможно с игрушечным пингвином в руках.

Положив пингвина на кухонный стол, я открыла и тут же закрыла дверцу шкафа, то и дело мысленно возвращаясь к имени Генри Кроссби, парня, о котором пять лет старалась не думать. В конце концов воспоминания о нем стали отрывочными, сократились до ответа на неизбежный вопрос типа: «кто был твоей первой любовью?», когда гости, пришедшие на вечеринку и оставшиеся ночевать, уже улеглись. На этот случай у меня всегда была готова история.

– А, это Генри. Мы подружились во время летних каникул, которые я проводила в летнем доме. И встречались в то лето, когда нам было по двенадцать. С ним я впервые поцеловалась на летнем карнавале… – Тут все вздыхали, но если кто-либо спрашивал, что было дальше, я просто улыбалась, пожимала плечами и говорила что-нибудь вроде: – Мы же были детьми, так что, понятно, что ни о каких долговременных отношениях и речи быть не могло. – Все смеялись, а я кивала и улыбалась.

Но в действительности это объяснение не было истинным. Я же гнала из головы воспоминания о том лете, отрицая все, что тогда случилось с Генри, Люси, со мной, и снова и снова выдавала вымысел за правду, потому что мне самой хотелось думать, что больше ничего и не было.

Вслед за мной на кухню зашел Уоррен и прямиком направился к большой картонной коробке на кухонном столе.

– Извини, – сказал он, открывая ее, – я пошутил.

Я пожала плечами, показывая свое безразличие.

– Не стоит извиняться, – ответила я, – дело прошлое.

И это было правдой. Но с того момента, когда мы пересекли линию, отделявшую Лейк-Финикс от остального мира, мысли о Генри крутились у меня в голове, даже если я делала в своем айподе музыку громче, надеясь, что это поможет от них избавиться. Я поймала себя на том, что поглядываю в сторону его дома. Некогда почти белый, теперь он стал ярко-голубым. Вывеску на фасаде с надписью «Лагерь Кроссби» заменили на другую – «Счастливые часы Мэриэн» с изображением бокала для мартини. Все это свидетельствовало, что в доме новые хозяева и Генри там больше не живет. Я продолжала думать о доме, понимая, что больше никогда не увижу Генри, а присутствие Мэриэн, кем бы она ни была, только подтверждало мое предположение. Пришедшее осознание вызвало противоречивые чувства тоски по прошлому и одновременно разочарования. Но верх взяло чувство облегчения, которое испытываешь, когда знаешь, что за твой проступок тебе ничего не будет.

Уоррен стал разбирать содержимое коробки, выставляя на стол аккуратными рядами пластиковые бутылки с кетчупом, как будто у нас намечалась

грандиозная томатная битва.

Понаблюдав какое-то время за этой картиной, я не выдержала:

– Что, в Пенсильвании дефицит кетчупа, а я об этом не знала?

Уоррен, не отрываясь от своего занятия, покачал головой.

– Ты же помнишь, как было в прошлый раз.

Да, я помнила. Джелси ела исключительно макароны с кетчупом, отказываясь от любой другой пищи. В отличие от нее Уоррен вовсе не привередлив в еде, но не может обходиться без соуса, которым, и желательно в охлажденном виде, приправляет буквально все. Он признает только «хайнц», утверждая при этом, что способен отличить любой сорт кетчупа по вкусу, что и доказал несколько лет назад в кафе при большом супермаркете, когда нам было особенно скучно. Пять лет назад, вскоре после нашего приезда в Лейк-Финикс, Уоррен испытал шок: оказалось, что в местном магазине закончился «хайнц», остались только другие марки… Так он отказался их даже пробовать и, воспользовавшись корпоративной карточкой отца, заказал себе целую коробку «хайнца», которую доставили на следующее утро. Отец, не говоря уже о бухгалтере его компании, узнав об этом, был, мягко говоря, не в восторге.

Теперь, чтобы не допустить повторения трагедии, Уоррен поставил две бутылки кетчупа в почти пустой холодильник, остальные же поместил в буфет.

– Рассказать, как изобрели кетчуп? – спросил он с тем выражением лица, которое мне, к сожалению, было хорошо знакомо.

Уоррен с самого детства хранит в памяти огромное количество информации. Когда-то один ныне потерявший всякое наше уважение родственник подарил брату книжку о знаменитых изобретениях «Открытия, сделанные случайно». С тех пор с Уорреном стало невозможно разговаривать без того, чтобы он не упомянул о том или ином любопытно случае. Это стремление накапливать бесполезные знания (благодаря его любви к словам с малоизвестными значениями) с годами только усиливалось. Наконец вняв просьбам не мучить нас своей эрудицией, Уоррен просто сообщал, что мог бы рассказать о том или ином факте, что, на мой взгляд, было не многим лучше.

– Давай как-нибудь потом? – ответила я. Хотя, признаюсь, меня слегка заинтриговала история случайного создания кетчупа, я надеялась, в ней не будет ничего странного, как, например, в случае с кока-колой, изобретенной якобы в результате неудачной попытки получить аспирин. Я оглянулась в поисках убежища, где можно было бы укрыться от назойливого общества брата, увидела за окном озеро и вдруг поняла, что это единственное место, где мне хотелось бы сейчас оказаться.

Пробравшись к застекленной террасе и прошмыгнув через боковую дверь, я направилась к водоему. Выйдя из дома, я подставила лицо солнцу. Пять деревянных ступенек вниз ведут к небольшому, поросшему травой склону холма, у основания которого и расположен причал. Кроме нас, им пользуются и соседи. Не сказать, что сооружение представляло собой что-то грандиозное, но мне всегда казалось, что его длина как раз достаточна, чтобы хорошенько разбежаться и бомбочкой плюхнуться в воду на глубине, где не достать до дна.

На траве возле причала друг на друге лежали несколько байдарок и каноэ, но я на них едва взглянула. На озере не разрешено пользоваться моторными лодками, так что шум двигателей не нарушает послеполуденной тишины. Неподалеку сверкали весла одинокого байдарочника. Озеро Финикс – большое, с тремя разбросанными по нему островами – со всех сторон окружено соснами. Наш причал на берегу довольно широкого залива, а на противоположном видны другие причалы и люди на них.

Я стала рассматривать причал семьи Марино. Люси Марино двенадцать лет была моей лучшей подругой в Лейк-Финиксе, и когда-то я знала ее дом так же хорошо, как и свой. Мы часто ночевали друг у друга, и наши родители к этому так привыкли, что мама даже покупала для Люси ее любимые хлопья. Я старалась не вспоминать о ней, но не могла не признавать, особенно в последнее время, что Люси была единственной подругой, которой я могла рассказать все без утайки. В школе, когда стало известно о болезни отца, никто не знал как вести себя со мной, а я – как разговаривать об этом с одноклассниками. И поскольку меня изгнали из нашей прежней компании, по окончании учебного года и с началом приготовлений к отъезду в Лейк-Финикс я оказалась в таком одиночестве, что буквально не с кем было и словом обмолвиться. Но пока мы не прекратили всякое общение после того лета, я делилась с Люси абсолютно всем.

Я по привычке осмотрела сваи ее причала. За годы, проведенные в Лейк-Финиксе, мы с Люси разработали сложную систему условных знаков для передачи сообщений с помощью сигналов фонариками в темное время суток (нашу версию азбуки Морзе) и не имеющих определенных значений сигналов флажками – в светлое. Если одной из нас срочно требовалось поговорить с другой, на сваю причала повязывалась розовая косынка – у нас были одинаковые. Справедливости ради надо признать, что такая сигнальная система была не самым удобным средством связи: чтобы косынка или сигналы флажками либо фонариком были замечены, приходилось сначала звонить по телефону. Разумеется, на причале Люси косынки сейчас не было.

Я сбросила шлепанцы и пошла босиком по нагретым доскам, за долгие годы отполированным таким количеством босых ног, что о занозах можно не беспокоиться, не то что у нас на террасе. Я прибавила шаг, почти побежала, желая поскорее оказаться на дальнем конце пристани, вдохнуть запах воды и сосен.

Почти у самого края я остановилась. За спиной послышалось какое-то движение. Байдарка, которую я видела раньше, сейчас, привязанная к причалу, покачивалась на воде, а сидевший в ней парень поднимался по лесенке на пристань, одной рукой хватаясь за перекладины, а другой держа весло. Солнечные блики на воде слепили глаза, поэтому я не могла рассмотреть его лица, когда он ступил на настил, и решила, что, вероятно, это кто-то из соседей. Сделав несколько шагов, он внезапно остановился и посмотрел на меня. Я заморгала от удивления, когда поняла, кто передо мной.

Это был повзрослевший на пять лет и еще более привлекательный, чем в моей памяти, Генри Кроссби.

Глава 3

Я смотрела на него в изумлении, не понимая, откуда передо мной взялся взрослый Генри.

Он бросил весло на настил, сделал маленький шаг вперед и сложил руки на груди.

– Тейлор Эдвардс, – сказал он. И это был не вопрос.

– Генри? – спросила я довольно слабым голосом, хотя, конечно, это был он. Во-первых, в отличие от любого другого байдарочника на этом озере, он знал меня. Во-вторых, был похож на себя прежнего, только гораздо, гораздо лучше.

Высокий, широкоплечий, с коротко остриженными каштановыми волосами, он был до неприличия хорош собой. Веснушки, покрывавшие раньше его щеки, куда-то исчезли, а глаза, прежде карие, я назвала бы, скорее, зелеными. В нашу последнюю встречу он выглядел абсолютно по-другому – ниже меня ростом, худощавый, с расцарапанными локтями и коленками. Должна отметить, Генри вырос очень привлекательным юношей, правда, мне показалось, что он не особенно рад нашей встрече.

– Привет, – сказала я, чтобы заполнить дурацкую паузу и скрыть, что не могу отвести от него глаз.

– Привет, – ответил он довольно холодно.

Голос у него стал низкий, и теперь он не давал петуха на каждом втором слове, как прежде. Мы встретились глазами, и я вдруг представила, какие перемены он может заметить во мне, и какое впечатление в целом я произвожу. К сожалению, с детства я мало изменилась: голубые глаза, тонкие прямые волосы. Среднего роста, худощавая, я так и не обрела приятных глазу округлых форм, о которых так отчаянно мечтала в двенадцатилетнем возрасте. Как я сейчас жалела, что утром не привела себя в порядок. Генри окинул меня взглядом, и я чертыхнулась про себя, вспомнив, во что одета. Я не только встретила человека, который меня явно недолюбливал, но и была в украденной у него футболке.

– Итак… – продолжил он, после чего сразу же замолчал. Мое сердце так сильно стучало, что хотелось повернуться и уйти, сесть в машину и ехать, не останавливаясь, до самого Коннектикута. – Что ты тут делаешь? – наконец спросил Генри, и голос его звучал жестко.

– То же я могла бы спросить у тебя, – ответила я, вспоминая, как буквально несколько минут назад говорила Уоррену, что Генри – дело прошлое. Я была уверена, что никогда больше не встречу его. – Я думала, вы отсюда уехали.

– Ты думала, мы уехали? – переспросил он с коротким невеселым смешком. – Да уж.

– Да, – подтвердила я раздраженно, – мы сегодня проезжали мимо вашего дома: там все поменялось, теперь он принадлежит какой-то сексапильной Мэриэн.

– За пять лет многое изменилось, Тейлор. – Я отметила, что он второй раз произнес мое имя. Прежде это случалось, когда он злился на меня, а обычно называл Эдвардс или Тей. – Во-первых, мы переехали, – он показал на дом, стоявший так близко к нашему, что я могла рассмотреть ряды горшков на подоконниках. – Вот сюда.

Какое-то время я просто смотрела на дом, принадлежавший ранее супругам Моррисон, и я предполагала, что они и их отвратительный пудель живут в нем по-прежнему.

– Так мы соседи?

– Уже несколько лет. Но ваш дом все время арендовали. Я решил, что вы больше не будете приезжать.

– Я тоже так думала, – ответила я, – если хочешь знать правду.

– И что случилось? – спросил он, пронзительно глядя прямо на меня красивыми зелеными глазами. – Почему вдруг вернулись?

От этого вопроса у меня перехватило дыхание, ведь Генри затронул тему, которую я старательно всячески гнала от себя проч.

– Ну… – медленно протянула я, глядя мимо Генри на поверхность воды и стараясь придумать, как бы это объяснить. Казалось, ничего сложного. Всего-то и требовалось сказать что-нибудь насчет того, что отец болен, и потому мы проведем лето здесь. Трудность была не в этом, а в вопросах, которые могли за этим последовать: как сильно болен, чем, насколько серьезно. И далее – неизбежная реакция людей, узнавших, что это на самом деле серьезно. Было и еще кое-что, что я понимала, но боялась произносить вслух: мы проводим с отцом последнее лето.

Поскольку я старательно избегала подобных разговоров, у меня не было заготовлено отработанного объяснения. Слух о болезни отца распространился по школе довольно быстро, что избавило меня от необходимости объяснять ситуацию. А если в бакалейном магазине нам с мамой встречался кто-нибудь из знакомых и спрашивал о папе, я уступала возможность объясняться ей, а сама отворачивалась или отходила в сторону, делая вид, что трудный разговор, который ведет мама, не имеет ко мне ни малейшего отношения. Сейчас я сомневалась, смогу ли справится с эмоциями, отвечая на возможные вопросы Генри. Узнав о болезни отца, я еще ни разу не плакала, и мне не хотелось бы расплакаться перед ним.

– Долгая история, – наконец выговорила я, не сводя глаз со спокойной глади озера.

– Да уж, – саркастически сказал Генри, – наверняка.

Я вздохнула. Генри никогда не говорил со мной таким тоном. Если мы ссорились, то, как дети, били друг друга ладошками по рукам, обзывались, дразнились, одним словом, – делали все что угодно, лишь бы покончить со ссорой и снова стать друзьями. Но сейчас его тон и язвительные реплики создавали впечатление, что я разговариваю с кем-то с другой планеты.

– Так почему вы переехали? – спросила я чуть более агрессивно, чем хотелось бы, и повернулась лицом к нему, сложив руки на груди. Переезды в Лейк-Финиксе случались довольно редко: по дороге сюда мы проезжали дом за домом со знакомыми вывесками на фасадах – все владельцы были прежние.

Ожидая немедленного ответа, я с удивлением заметила, что Генри слегка покраснел, засунул руки в карманы шортов, как всегда бывало, когда он не знал, что сказать.

– Долгая история, – сказал он, подражая мне и глядя на причал. Некоторое время было слышно только постукивание пластиковой байдарки о деревянную сваю причала. – Как бы там ни было, – продолжил Генри, немного помолчав, – теперь мы живем тут.

– Так, – сказала я, чувствуя, что этот факт мы наконец установили. – Это я поняла.

– Я хочу сказать, мы тут круглый год, – пояснил он и посмотрел на меня, а я постаралась скрыть удивление. Можно, конечно, жить в Лейк-Финиксе постоянно, но так делают очень немногие и в поселке становилось людно лишь с наступлением лета. Пять лет назад все время, кроме лета, Генри жил в Мэриленде. Его отец занимался финансами в округе Колумбия, как и другие отцы, возвращался в Лейк-Финикс с наступлением выходных.

– О, – воскликнула я так, будто все поняла, хотя не имела ни малейшего представления, что означает для семьи Кроссби постоянное проживание в Лейк-Финиксе и как это может сказаться на дальнейшей судьбе Генри. Но он, похоже, не собирался вдаваться в подробности, а я не чувствовала себя вправе требовать новых признаний. И мне вдруг показалось, что нас разделяют не только несколько метров причала…

– Да, – вздохнул Генри, а я подумала, что, возможно, у него возникло то же чувство, что и у меня, будто на пристани с ним рядом незнакомый человек. – Мне пора, – он повернулся, собираясь уходить.

Я подумала, что не следует так заканчивать разговор, поэтому, когда он проходил мимо, вежливо произнесла:

– Рада была тебя видеть.

Он остановился всего в нескольких шагах от меня, так близко, что я могла рассмотреть россыпь еле заметных веснушек у него на щеках. Я почувствовала, как сердце учащенно забилось оттого, что вспомнила одну из наших первых робких попыток обняться на этом самом причале. Я целовала тебя, мелькнула у меня мысль, прежде чем я успела ее остановить.

Я посмотрела на Генри – он по-прежнему стоял так близко! – и подумала, что, возможно, он вспоминает о том же. Но он хмуро и недоверчиво посмотрел на меня и снова собрался уходить, и я поняла, что он сознательно не отреагировал на мои последние слова.

Может быть, в какой-то другой день я бы вот так все и оставила. Но сейчас я была раздражена, устала – четыре часа слушала мальчишеские группы, лекцию об энергии света, – и почувствовала, что теряю самообладание.

– Слушай, не думай, будто я хотела сюда возвращаться, – я заметила, что говорю все громче, а голос делается все пронзительней.

– Тогда почему ты здесь? – Генри тоже повысил голос.

– У меня не было выбора, – отрезала я, сознавая, что способна зайти слишком далеко и не смогу остановиться. – Я никогда не хотела сюда возвращаться.

Мне показалось, он покраснел от досады, но вскоре его лицо обрело прежнее каменное выражение.

– Что ж, – парировал он, – может, не только тебе этого не хотелось.

Я заслужила этот удар, но приняла его не дрогнув. Мы смотрели друг на друга, как соперники, силы которых оказались равны, и я поняла, что препираться на причале неудобно, ведь в случае экстренной необходимости не так-то просто убежать, когда противник перекрыл тебе путь для отступления на сушу.

Мы не отрываясь смотрели друг другу в глаза.

– Ладно, – я наконец решилась прекратить этот поединок и сложила руки на груди. Мой тон должен был дать понять Генри, как мало меня заботят его слова. – До скорого свидания!

Генри закинул весло на плечо как топор.

– Боюсь, Тейлор, оно неизбежно, – проговорил он с сочувствием, посмотрел на меня еще немного, отвернулся и пошел прочь, а я, не желая провожать его взглядом, направилась в противоположный конец причала.

Я посмотрела на воду, на солнце, которое будто не могло решить, не пора ли ему садиться, и глубоко вздохнула. Итак, Генри живет по соседству. И пускай. Я с этим справлюсь. Можно провести все лето, не выходя из дома. Устав от подобных мыслей, я уселась на настил, свесив ноги так, чтобы ступни касались воды, и тут заметила изображение сердечка с вписанными в него словами: «ГЕНРИ + ТЕЙЛОР НАВЕКИ».

Мы вместе вырезали это пять лет назад, и трудно было поверить, что это свидетельство нашей любви оставалось здесь все это время. Я провела кончиками пальцев по знаку плюса. Почему человеку в двенадцать лет кажется, что у него может быть какое-то представление о вечности?

За спиной послышалось шуршание шин по гравию, затем хлопнула дверца машины – наконец приехали родители. Я поднялась и поплелась вдоль причала, размышляя, как меня сюда занесло.

Глава 4

Три недели назад

Тот день рождения, по общему мнению, получился самым неудачным.

Мы с Уорреном сидели на диване, перед нами на полу на животе, поджав ноги, лежала Джелси, а позади нее на ковре лежало кое-что, на что я не могла взирать, не морщась. Мы смотрели совсем не смешную комедию, и у меня было такое чувство, что брат и сестра остаются со мной лишь из чувства долга. Я видела, как Уоррен украдкой поглядывает на свой ноутбук, и догадывалась, что Джелси хочет подняться к себе в комнату, больше напоминавшую импровизированную танцевальную студию, чтобы поработать над фуэте или чем-нибудь еще.

Они изо всех сил старались создать, насколько возможно в наших обстоятельствах, атмосферу праздника: заказали ананас и мою любимую пиццу пеперони, поставили в центр свечку и хлопали в ладоши, пока я ее задувала. Я крепко закрыла глаза в нужный момент, хотя не помню, когда на день рождения в последний раз загадывала желание и всерьез рассчитывала, что из этого что-нибудь выйдет. Больше всего на свете мне хотелось, чтобы все происходящее с отцом вдруг оказалось ошибкой, ложной тревогой, и чтобы снова, как в детстве, для счастья мне недоставало лишь настоящего пони.

В комнате раздавался обычный для ситкома закадровый смех, а я то и дело поглядывала на часы DVD-плеера.

– Во сколько они вернутся? – спросила я.

– Мама сказала, что не знает, удастся ли им вообще сегодня вернуться, – ответил Уоррен. Он на мгновение встретился со мной взглядом и снова уставился в телевизор. – Она обещала позвонить.

Я кивнула и постаралась сосредоточиться на сюжете комедии, хоть это и давалось мне с трудом. Родители отправились в «Слоун-Кеттеринг», онкологическую больницу в Манхэттене, где отец сдавал анализы. Родители находились там уже три дня, поскольку выяснилось, что боли, беспокоящие отца последние несколько месяцев, не имеют отношения к спине. Мы трое были предоставлены самим себе, выполняли свои обязанности без жалоб, ладили между собой лучше, чем обычно, и никто из нас не говорил о том, чего все боялись, как будто, высказав опасения, мы помогли бы им сбыться.

Мама звонила утром, извинялась, что им с отцом придется пропустить мой день рождения. И, уверяя ее, что в этом нет ничего страшного, я почувствовала, как живот точно узлом скрутило, потому что в глубине души винила себя. Мы с отцом были дружны: именно я всегда ездила с ним за покупками, помогала выбирать подарки маме на Рождество и ко дню рождения, и только я понимала его юмор. Так что могла бы заметить, что его состояние ухудшилось. Признаки болезни были налицо: отец морщился, опускаясь на сиденье низкой спортивной машины, с большим усилием, чем обычно, поднимал тяжести, ступал более осторожно. Но я не хотела их замечать, надеясь, что все пройдет само собой, поэтому молчала. Отец терпеть не мог врачей, и хотя мама, вероятно, видела все то же, что и я, она не настаивала, чтобы он им показался. Я же зациклилась на разрыве со соей школьной тусовкой, наивно полагая, что это самое худшее, что со мной может случиться.

Я как раз размышляла о том, как глупо себя вела, когда свет фар прорезал тьму, осветив подъездную дорожку, и через секунду послышалось гудение открывающейся двери гаража. Джелси села, а Уоррен выключил звук телевизора. Мы молча уставились друг на друга.

– Вернулись, это хороший знак, верно? – спросила Джелси. Почему-то она ждала ответа от меня, и я просто посмотрела на экран телевизора, где очередная веселая сцена обещала счастливый финал.

Послышался щелчок входной двери, потом в дверях гостиной появилась мама. Выглядела она измотанной.

– Не могли бы мы все собраться в столовой? – спросила она и, не дожидаясь ответа, вышла из комнаты.

Я поднялась с дивана, чувствуя, как нарастает беспокойство. Вряд ли приглашение в столовую было хорошим знаком, о котором говорила Джелси и которого я так ждала, потому что хорошие новости мама, конечно, сразу бы нам выложила. Идея собраться всей семьей в столовой ничего хорошего не предвещала, если мы, конечно, не собирались устроить торжественный ужин. Эта комната служила местом для серьезных семейных советов.

Вслед за Уорреном и Джелси я пошла через кухню к столовой и увидела отца. Он сидел на своем обычном месте, во главе стола, но выглядел каким-то маленьким. Мама стояла возле кухонного островка, держа в руках белую прямоугольную коробку из булочной. Она притянула меня к себе, неловко обняла одной рукой и сразу отпустила. Мы обычно обходились без нежностей, так что это я тоже восприняла как недобрый знак, вроде необходимости идти в столовую, чтобы там выслушать новости.

– Так нехорошо получилось с твоим днем рождения, Тейлор, – обратилась ко мне мама и жестом указала на белую коробку. Крышка была заклеена стикером с надписью «ДЛЯ БИЛЛИ». Мои любимые кексы. – Принесла тебе, но, может быть… – мама посмотрела в столовую и прикусила губу. – Может быть, оставим их на потом.

«Почему?», чуть было не спросила я, но ответ казался очевидным. Мама глубоко вздохнула, собираясь присоединиться к остальным в столовой, а я посмотрела на входную дверь. Единственное, чего мне хотелось сейчас, – взять кекс и уйти куда-нибудь отсюда.

Разумеется, я осталась и проследовала за мамой в столовую, где она взяла отца за руку, обвела всех нас взглядом, вздохнула и подтвердила то, чего мы все так

боялись. Пока она говорила, мне казалось, что я слушаю ее откуда-то из глубины. В ушах звенело, а я смотрела на сидящую за столом Джелси, всю в слезах, на отца, которого таким бледным никогда не видела, на Уоррена, хмурящего лоб, как он обычно делал, когда хотел скрыть свои чувства. Я посильнее ущипнула себя за руку в надежде, что это поможет прогнать прочь кошмар, в котором мы все внезапно оказались. Но уловка не сработала и я по-прежнему сидела за столом, а мама продолжала выдавать информацию: рак поджелудочной железы, четвертая стадия. Четыре месяца, может быть, больше. Может быть, меньше.

Когда она закончила, Джелси начала икать, а Уоррен продолжал смотреть в потолок, моргая чаще обычного. И тут впервые за вечер заговорил отец.

– Мне кажется, надо обсудить наши планы на лето, – хриплым голосом проговорил он. Я посмотрела на него, наши взгляды встретились, и мне вдруг стало стыдно, что я не расплакалась, как Джелси, что я ничего не чувствую. Как будто этим я предавала отца.

– Я бы хотел провести это лето с вами в доме у озера, – сказал отец и оглядел всех собравшихся за столом. – Что скажете?

Глава 5

– Да вы, наверно, меня разыгрываете, – мама захлопнула дверцу кухонного шкафа чуть громче, чем следовало, повернулась ко мне и покачала головой. – Они забрали все мои специи. Можешь себе представить?

– Хм, – пробормотала я, помогая разбирать продукты на кухне.

По правде говоря, я занималась тем, что перекладывала с места на место содержимое ящика с серебром, предпочитая это занятие разбору привезенных коробок с продуктами. Мама пока этого не заметила, поскольку сосредоточилась на инвентаризации того, что осталось на кухне после жильцов. Похоже, наши прошлогодние арендаторы решили забрать с собой все, что не прибито гвоздями, включая моющие средства и приправы, притом что оставили много

своих вещей, вроде колыбели, чем так оскорбили Джелси.

– Не знаю, как буду готовить без приправ, – пробормотала мама, открыв одно из верхних отделений шкафа, и привстала на цыпочки, чтобы рассмотреть его содержимое, после чего вернулась в идеальную первую позицию. Мама прежде была профессиональной балериной, и хотя после двадцати лет из-за повреждения какого-то сухожилия ее исключили из основного состава труппы, она по-прежнему выглядела так, будто в любой момент может вернуться в балет.

– Тейлор, – сказала она несколько резче, чем следовало, привлекая мое внимание.

– Что? – ответила я, вертя в руках чайную ложку, с интонацией, в которой слышалась готовность обороняться.

Мама вздохнула.

– Может, перестанешь дуться? Пожалуйста.

Сложно было подобрать фразу, способную заставить меня дуться еще сильнее, чем эта. Я против собственной воли нахмурилась.

– Я не дуюсь.

Мама посмотрела через застекленную террасу на озеро, потом снова на меня.

– Это лето будет довольно тяжелым для всех нас и без такого… поведения.

Я с силой закрыла ящик с приборами, чувствуя одновременно и вину, и раздражение. Я никогда не была любимицей мамы. Любимицей была Джелси – но мы всегда неплохо ладили.

– Знаю, ты не хотела сюда ехать, – сказала она уже мягче. – Но надо постараться, чтобы все получилось как можно лучше. Договорились?

Я выдвинула ящик и задвинула обратно. Мы провели в этом доме всего несколько часов, а у меня уже было такое чувство, будто я в тюрьме. И присутствие по соседству бывшего друга, который меня ненавидит и имеет на то все основания, только усиливало это ощущение.

– Я просто… – я запнулась, – не знаю, что тут буду делать все лето. И…

– Мам! – в кухню вошла Джелси. – Колыбелька по-прежнему у меня в комнате. И свет не включается.

– Наверно, Мерфи выкрутили лампочки тоже, – пробормотала мама, качая головой. – Пойду посмотрю. – Она направилась вслед за Джелси, положив руку ей на плечо, но на пороге кухни остановилась и обернулась ко мне: – Тейлор, об этом мы еще поговорим. А сейчас почему бы вам с Уорреном не съездить в город за пиццей? Боюсь, сегодня я вам ничего приготовить не смогу.

Мама и Джелси ушли, а я осталась на кухне еще на несколько минут, блуждая взглядом по выстроившимся на столе оранжевым флаконам с лекарствами. Потом пошла искать отца, ведь где бы он ни находился, Уоррен должен быть рядом с ним.

Я нашла обоих – в таком небольшом доме это оказалось делом нетрудным – за обеденным столом. Отец сидел в очках перед стопкой бумаг и ноутбуком, а Уоррен – с огромной книгой, глядя в которую он важно хмурился и делал заметки в блокноте с отрывными страницами из желтой линованной бумаги. Брат очень рано принял решение поступать в университет штата Пенсильвания и заниматься юриспруденцией, но, глядя на него, можно было подумать, что он уже партнер фирмы, получающий долю от ее дохода, и что учеба на юридическом факультете университета, не говоря уже о колледже, – для него не более чем пустая формальность.

– Эй, – сказала я, тыкая брата в спину, и села рядом с отцом, – мама велела съездить за пиццей.

Уоррен нахмурился.

– Мне? – Отец выразительно посмотрел на брата, и тот встал со стула. – Я хотел сказать, конечно. Как называется этот ресторан в центре?

Я повернулась к отцу, Уоррен тоже. У брата была фотографическая память, но именно отец всегда помнил важные вещи – события, даты, названия ресторанов, где подают вкусную пиццу.

– «Скромный пирог», – сказал отец, – если он не закрылся или не переехал.

– Я выясню, – сказал Уоррен, расправил рубашку и направился к двери. Сделав несколько шагов, он остановился и повернулся к нам. – Вы знаете, что пиццу придумали в Италии в пятнадцатом веке, чтобы не выбрасывать залежавшиеся продукты…

– Сынок, – прервал его отец, – может быть, после ужина?

– Верно говоришь! – ответил Уоррен и, слегка покраснев, вышел из комнаты. Через минуту хлопнула парадная дверь и послышалось урчание включенного двигателя.

Отец посмотрел на меня поверх экрана компьютера и поднял одну бровь.

– Итак, малыш, мама действительно велела твоему брату съездить за пиццей?

Отрывая торчащую из подола футболки нитку, я попробовала скрыть улыбку и пожала плечами.

– Она имела в виду кого-нибудь из нас. Я перепоручила Уоррену.

Отец покачал головой, чуть улыбнулся и снова погрузился в бумаги. Узнав свой диагноз, он продолжал работать, уверяя, что ему надо довести до конца несколько незаконченных дел, но я знала, что он просто не может без работы. Он был партнером в юридической фирме, специализировался на апелляциях, ходил на работу каждую субботу и даже часто по воскресеньям. Никто из нас не удивлялся, что он появляется дома к ужину лишь раз-два в неделю, а в остальные дни в это время еще работает. Я привыкла к тому, что телефон у нас может зазвонить поздно ночью или рано утром, привыкла слышать тихое гудение двери гаража в четыре утра, когда он рано уезжал на работу.

Отец несколько минут молча печатал.

– Над чем работаешь? – спросила я.

– Над кратким изложением дела, – ответил он, взглянув на меня. – Работаю над ним уже несколько недель. Закончил бы раньше, да… – он не договорил, но я знала, что он имеет в виду: несколько недель назад – три, если точнее, – отцу поставили диагноз и это на некоторое время выбило его из колеи.

– Не очень-то это изложение краткое, – сказала я, стараясь рассеять мрачное впечатление от его слов, и была вознаграждена улыбкой.

– Здорово, – одобрительно отметил отец. Он любил каламбуры, а я была единственной, кто терпел их и пытался отвечать ему в том же духе.

– Просто… – он взглянул на экран и покачал головой, – хочу разобраться. Похоже, это может стать моим наследием.

Я кивнула, разглядывая царапины на деревянном столе и совершенно не понимая, как на это реагировать. Все мы знали, что происходит с отцом, но со дня моего рождения ни разу не говорили об этом, и я понятия не имела, что сказать.

– Да, – тихо сказал отец, помолчав, – но вернемся к делу, – и снова стал печатать. Я собиралась уйти и заняться распаковыванием продуктов, но мне вдруг показалось неправильным оставить его работать в одиночестве над последним делом. И потому в тишине, нарушаемой только щелчками по клавиатуре, я осталась сидеть рядом с ним до тех пор, пока не послышалось шуршание шин по гравию и мама не позвала нас ужинать.

Ванная комната действительно оказалась маленькой для троих.

Это стало вполне очевидно, когда мы все одновременно начали готовиться ко сну – Уоррен называл это вечерними омовениями.

– Ты не оставила мне места, – отодвинув локтем Джелси, я протиснулась к навесному шкафчику. Сестра чистила зубы настолько медленно, что это довело бы до белого каления кого угодно. В шкафу лежали средства для ухода за

контактными линзами Уоррена, коробочки для зубных скобок Джелси, бальзамы для губ и много тюбиков зубной пасты.

– Раньше надо было прийти, – заметил Уоррен, заслоняя собой весь дверной проем, отчего и так тесное помещение ванной выглядело еще меньше. – Побыстрей можно? – спросил он Джелси, которая в ответ лишь улыбнулась ему перепачканными пастой губами и продолжила водить по зубам щеткой еще медленней.

– Не думала, что придется отвоевывать себе место в шкафчике, – я сердито отодвинула коробки с контактными линзами брата в сторону, чтобы поставить лосьон для лица и жидкость для снятия макияжа.

Джелси наконец закончила чистить зубы, сполоснула зубную щетку и аккуратно положила ее на место.

– Можешь держать свое барахло здесь, если хочешь, – она пожала плечами и отодвинула полосатую зеленую занавеску для душа, которая висела здесь с незапамятных времен, и указала на угловую полку. – Места тут точно… – Джелси умолкла и вдруг завизжала.

Через секунду я поняла, почему: в углу сидел огромный паук, похожий на сенокосца, который на самом деле был довольно безобидным. Но обнаружить в ванной паука размером с мою голову все равно было неприятно. Я сделала шаг назад и столкнулась с Уорреном, который тоже отступал, пытаясь освободить мне дорогу.

– Папа! – завизжала Джелси, бросаясь к двери.

Через некоторое время пришел отец, а за ним – мама, и мы втроем столпились у двери. Я не спускала глаз с паука на случай, если бы он решил удрать.

– Паук, – Уоррен указал на поддон для душа, – Pholcidae[4 - Латинское название пауков-сенокосцев, или пауков-долгоножек.]. – Отец кивнул и шагнул в ванную.

– Ты его убьешь? – спросила Джелси, прятавшаяся за мамой, что, на мой взгляд, выглядело несколько театрально.

– Нет, – ответил папа, – но мне потребуются кусок бумаги и стакан.

– Я принесу, – Уоррен убежал и вскоре вернулся с одним из моих журналов и со стаканом, которые вручил отцу через порог, после чего мама, Джелси, Уоррен и я отпрянули назад. Дело было не только в арахнофобии – отец занял почти все пространство маленькой ванной. В колледже он учился на спортивную стипендию и играл на позиции полузащитника в футбольной команде, поэтому, несмотря на потерю веса в последнее время, оставался достаточно крупным.

Мгновение спустя он появился из-за шторы для душа, прижимая к журналу перевернутый стакан. Паук бегал по изображению восходящей звезды экрана на обложке. Отец, выпрямляясь, скривился от боли, и мама сразу забрала у него журнал и стакан, сунув их мне.

– Тейлор, выпусти его на улице, ладно? – Мама шагнула к отцу и уже более тихим голосом спросила: – Все нормально, Робин?

Полное имя отца было Робин, но обычно его звали Роб, а когда мама сердилась на него, или волновалась, или в гости приезжал дедушка, она звала папу Робином.

Отец все еще морщился, и я не могла спокойно на это смотреть на это, так что обрадовалась, что у меня появился повод уйти.

Я направилась к парадной двери, спустилась по ступенькам крыльца, вышла на подъездную дорожку и подняла стакан, рассчитывая, что паук сразу уползет, но удивилась, когда он остался сидеть на заголовке «Десять лучших советов, как быть прекрасной этим летом».

– Шевелись, – я стала потряхивать журнал. Паук наконец понял, чего я от него хочу, и соскользнул с обложки. Я отряхнула журнал и уже собиралась идти в дом, но вспомнила выражение страдания на лице отца, оставила стакан и журнал на крыльце и пошла в направлении главной дороги.

Я была босиком, и каждый шаг давался мне с трудом, напоминая, как много времени прошло с тех пор, когда я была здесь в последний раз и могла спокойно ходить по камням без обуви. Пройдя полпути, я остановилась у большого деревянного ящика, используемого как контейнер для мусора и не дававшего

медведям добраться до пищевых отходов. Я остановилась и подождала, пока боль в ступнях утихнет, а затем разом преодолела оставшуюся часть пути и оказалась на асфальтированной дороге.

Вопреки моему желанию ноги сами понесли меня в сторону дома, в котором теперь жила семья Генри. Горящие окна отбрасывали прямоугольники света на гравий. Глядя на них, я размышляла, дома ли он и если да, то где окно его комнаты, пока не спохватилась, что выгляжу просто смешно.

И тут я заметила разбитую рядом с домом походную палатку. Вдруг она осветилась изнутри и стал виден чей-то силуэт. Я повернулась и быстро прошла прочь, делая вид, что просто вышла полюбоваться звездами.

А любоваться было чем: в свете огромной луны деревья отбрасывали на дорогу причудливые тени. Запрокинув голову, я стала искать знакомые созвездия.

Звездное небо увлекало меня с самого детства, и дедушка, в прошлом военно-морской офицер, прислал мне как-то книжку о звездах. Так и не научившись узнавать созвездия, связанные с ними легенды я все же помнила. Любовники, изгнанные в разные концы вселенной, богини, наказанные за тщеславие и висящие вниз головами… В ясную погоду в темное время суток я смотрела на небо, пытаясь узнать очертания созвездий и понять, что заставляло древних придумывать истории о том, что они видели в небе.

Звезды особенно хорошо видны в Лейк-Финиксе, и сейчас все небо было сплошь ими усыпано. Я смотрела вверх, пока не почувствовала, что могу дышать свободно, может быть, впервые в этот день или даже за последние три недели.

Я действительно не знала, как прожить здесь это лето. Мы приехали всего несколько часов назад, а мне уже казалось, что я тут долго не выдержу. Выходит, что все мы стараемся делать вид, будто ничего особенного не происходит. Даже не говорим о причине, заставившей нас перебраться сюда из Коннектикута. Вместо этого за ужином слушаем монолог Уоррена об изобретении пиццы.

Я повернулась и замерла. На повороте с улицы на нашу подъездную дорожку, в том месте, где гравий сменяет асфальт, сидела та самая собака. Я оглянулась в надежде увидеть приближающегося хозяина с поводком и пластиковым пакетом

в руках. Улицы Лейк-Финикса, обычно пустынные, довольно безопасны, так что собак здесь выгуливают чаще без поводков. Единственный известный мне случай, когда это могло закончиться плохо, произошел как-то вечером, когда Моррисоны вывели своего отвратительного пуделя и встретили медведя, которому все-таки удалось забраться в помойку. Супруги поспешно ретировались, но пес, который был, кроме прочего, еще и глуповат, видимо, принял медведя за крупную собаку и побежал поздороваться. Однако он почти сразу понял, что ошибся, и бросился наутек, оставшись целым и невредимым. После этого я постоянно наблюдала, как Моррисоны выгуливали собаку на коротком поводке.

Но сейчас на тихой улице никаких поздних прохожих, ищущих своего мохнатого друга, не было. Я сделала шаг навстречу псу, но собака не шевельнулась, а только застучала по асфальту хвостом, будто только меня и ждала. На ней был ошейник бледно-голубого цвета – скорее всего, это был кобель. Кроме того, на именной бирке виднелась надпись, так что дом у этой собаки, скорее всего, был и она просто предпочла сбежать. Во всяком случае, сейчас.

Где бы этот пес ни жил и что бы ни думал о своих хозяевах, ему точно не место на нашей подъездной дорожке. Я собралась пройти мимо, не обращая на собаку никакого внимания, но не сделав и нескольких шагов, услышала за спиной негромкое позвякивание. Обернувшись, я увидела пса – он шел за мной. Заметив, что я остановилась, он замер, потом быстро сел, словно делая вид, что вовсе не преследует меня. Почувствовав себя участницей странной игры «красный свет – зеленый свет», я указала ему на дорогу.

– Нет, – мой голос звучал твердо, – уходи.

Пес опустил одно ухо, наклонил голову, посмотрел на меня с надеждой, не переставая стучать хвостом по земле, и не двинулся с места.

Присмотревшись внимательнее, я заметила, что он довольно грязный, а шерсть местами свалялась. Но я решила, что это в порядке вещей: заботливые хозяева не отпустили бы собаку бродить по ночам без присмотра.

– Уходи, – повторила я еще тверже. – Ну! – И продолжала смотреть ему в глаза, как это советовали в одной передаче про собак. Пес посмотрел на меня, потом опустил второе ухо и, как мне показалось, вздохнул, но так и остался на месте.

Он еще какое-то время смотрел на меня, но, видимо, не заметив и тени сомнения в моем решении, повернулся и медленно побрел прочь.

Дойдя до асфальтированной дороги, пес остановился, повернул налево и направился по улице. Я не сразу вошла в дом, а стояла и смотрела, как силуэт собаки становился все меньше, а позвякивание именной бирки все тише, пока совсем не стихло, когда пес скрылся за поворотом.

Глава 6

Утром я внезапно проснулась, как будто от толчка, и не сразу сообразила, где нахожусь. Оглядев комнату, заметила на комоде пингвина, и на меня нахлынули воспоминания о вчерашнем дне. Я застонала, повернулась на другой бок, но почувствовала, что больше уже не усну.

Сев на кровати, я сощурилась от яркого солнечного света, лившегося в окно. День обещал быть чудесным, хотя мне он едва ли принесет что-то хорошее. Я встала с кровати и, взглянув на пингвина, положила его на верхнюю полку встроенного шкафа и закрыла дверцу, чтобы он каждое утро не мозолил мне глаза.

Собрав на ходу волосы в конский хвост, я вышла в коридор. В доме стояла необычная тишина. Придя в кухню, я взглянула на часы микроволновки и поняла, отчего так тихо: было только восемь часов. Еще не так давно отец к этому времени уже несколько часов работал и, заварив себе кофе, успевал ответить на половину утренних электронных сообщений. Вид кофе-машины без кофейника напомнил мне, что теперь все иначе, прошлого не вернуть, хоть я продолжаю почему-то на это надеяться. Можно было и самой заварить кофе, но я понятия не имела, как это делается. Кофе всегда готовил отец, это было его святой обязанностью, так же как и запоминание различных важных мелочей.

Тишина действовала на меня угнетающе, и чтобы не впасть в уныние, я вышла из дома. Прежде я бы отправилась на пристань, но после вчерашнего столкновения с Генри не знала, пойду ли вообще туда когда-нибудь снова, поэтому надела шлепанцы и зашагала по подъездной дорожке, рассчитывая, что ко времени возвращения с прогулки домашние уже проснутся и тогда мы

вместе…

Я остановилась, спохватившись, что не представляю, как закончить это предложение, поскольку понятия не имела, что буду делать этим летом, разве что стану свидетелем того, как рушится привычный порядок вещей. Эта мысль подтолкнула меня вперед, будто я каким-то образом могла оставить ее позади себя вместе с домом и бездействующей кофеваркой.

Я сознательно повернула в противоположную от дома Генри сторону и с удивлением обнаружила, что и с этой стороны у нас появились новые соседи. Во всяком случае, на подъездной дорожке стояла «тойота приус», а незнакомая мне вывеска гласила: «Настроимся на лето».

В этот ранний час улица была пуста, если не считать полусонного человека, выгуливающего энергичного золотистого ретривера. Я поймала себя на том, что по пути разглядываю вывески на фасадах, обращая внимание на незнакомые. В Лейк-Финиксе почти все дома имеют не таблички с номерами, а вывески с именами хозяев, но на нашем доме вывески нет, поскольку мы никак не можем прийти к соглашению относительно имени: каждое лето голосовали, но так и не выбрали подходящее.

Минут через двадцать я надумала повернуть обратно к дому. Начинало припекать, и чем больше попадалось мне людей, совершающих утреннюю пробежку или выгуливающих собак (все мне приветливо махали), тем больше меня беспокоило, что я даже не умылась и не надела лифчик. Я уже хотела повернуть обратно, когда заметила в лесу, тянущемся вдоль дороги, что-то вроде просеки. Я не очень хорошо запоминаю мелкие детали, но тут, я почти не сомневалась, должна была начинаться тропинка, ведущая прямо к нашему дому.

Постояв немного в нерешительности в начале тропинки, я зашагала по ней, и едва войдя в лес, оказалась как будто в другом мире. Тут было тише и темнее, солнечные лучи едва пробивались сквозь кроны деревьев. Я несколько лет не бывала в лесу и теперь, шагая по тропинке, с удовольствием отмечала, как сильно мне знакомы и капли росы на мху, и запах сосен, и хруст веточек и листьев под ногами. Это было такое же чувство, как при возвращении в наш летний дом – понимание, что оставленное в прошлом вовсе не утеряно. Идя по лесу, я к своему удивлению обнаружила, что скучала по нему.

Через полчаса я уже не испытывала такого умиления, потому что потеряла всякие следы тропинки, по которой шла, ветки расцарапали мне ноги, на шее пировали москиты и мне даже думать не хотелось о том, что с моими волосами. Но больше всего я сердилась на себя и мне трудно было поверить, что, находясь совсем рядом с домом, я заблудилась.

У меня не было с собой телефона со встроенным GPS-навигатором, что было бы сейчас очень кстати. Вокруг я не видела ни одного дома, ничего, что позволило бы сориентироваться на местности, но пока не паниковала и еще надеялась найти потерянную тропинку.

Где-то вдалеке послышалось подобие птичьего крика, и через секунду он повторился, но не точно так же: по-видимому, его все же издавала не птица. Крик раздался снова, на этот раз он больше походил на птичий, и я быстро пошла на него, рассчитывая, что если в лесу кто-то наблюдает за птицами, мне, возможно, подскажут, как выбраться на дорогу.

Крики, подобные птичьим, часто повторялись, и благодаря этому я довольно быстро нашла двух ребят. Один из них был примерно ростом с Джелси, другой – высокий. Оба стояли ко мне спиной, не сводя глаз с кроны дерева.

– Привет! – сказала я, нисколько не заботясь о том, как выгляжу. Мне просто хотелось вернуться домой, позавтракать и смазать лосьоном зудящие следы от укусов москитов. – Простите, что отрываю, но…

– Тсс! – громким шепотом произнес высокий, по-прежнему глядя на крону. – Мы пытаемся увидеть… – Он обернулся и вдруг замолчал. Это был Генри, и нашей встрече он изумился не меньше меня.

Удивлению моему не было предела. Я покраснела, и это наверняка было заметно, ведь я еще не успела загореть.

– Привет, – пробормотала я, поспешно складывая руки на груди, и подумала, что при встречах с ним я почему-то всякий раз выгляжу все более и более неподобающе.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он все тем же громким шепотом.

– А что, мне теперь уже и в лес ходить нельзя? – в полный голос ответила я, что заставило мальчишку, бывшего с Генри, тоже повернуться.

– Ш-ш-ш! – произнес он и поднял к глазам бинокль. Когда он опустил его, до меня дошло, что это младший брат Генри, Дэви. Теперь его было почти не узнать, так он изменился за то время, что мы не виделись. Дэви был очень похож на брата в том же возрасте, если не считать того, что для начала лета выглядел очень загорелым и был обут в мокасины. – Мы пытаемся проследить за индиговым овсянковым кардиналом.

– Дэви, – сказал Генри, тыкая брата в спину, – не будь грубияном. – Он снова посмотрел на меня и сказал: – Ты же помнишь Тейлор Эдвардс?

– Тейлор? – спросил Дэви, выпучив глаза и с тревогой глядя на брата. – Ты серьезно?

– Привет, – сказала я, помахала ему и сразу же снова скрестила руки на груди.

– А что она здесь делает? – полушепотом спросил Дэви у брата.

– Потом скажу, – ответил Генри, хмуро глядя на Дэви.

– Но зачем ты с ней разговариваешь? – продолжал Дэви уже не шепотом.

– Слушайте, – громко сказала я, – не могли бы вы…

В это время в кроне дерева, куда прежде смотрели Генри и Дэви, послышался шорох крыльев и в воздух взлетели две птицы – одна коричневая, а другая голубая. Дэви схватился за бинокль, но даже я видела, что слишком поздно – птицы улетели. Дэви, понурившись, выпустил бинокль, который повис на ремешке.

– Вернемся сюда завтра, идет? – негромко спросил Генри, положив руку брату на плечо. Дэви лишь пожал плечами, глядя в землю. – Нам пора, – Генри мельком взглянул на меня, кивнул, и братья пошли.

– Гм, – начала я, понимая, что лучше уж спросить дорогу, чем следить за ними в лесу в надежде, что они в конце концов выведут меня к Лейк-Финиксу. А что если они идут не домой и мне придется тащиться за ними все время, пока они наблюдают за какой-нибудь птицей? – Вы домой? Дело в том, что я тут немного заблудилась, так что если вы… – Увидев появившееся на лице Генри выражение недоверия и досады, я замолчала.

Он шумно вздохнул и слегка наклонился к брату.

– Встретимся дома, ладно?

Дэви сердито посмотрел на меня и побежал в лес.

– Он дорогу-то знает? – спросила я, глядя парню вслед. Судя по тому, как Дэви уверенно направился к дому, дорогу он знал, но ведь то же думала и я, входя в лес.

Почему-то этот мой вопрос показался Генри смешным.

– Дэви знает этот лес как свои пять пальцев, – ответил он, слегка улыбнувшись. – Он побежал короткой дорогой. Не знаю, откуда она ему известна. Я ее никогда не видел, но она приведет его домой в два раза быстрее, чем обычная. – Тут Генри, видимо, вспомнил, с кем разговаривает, и его улыбка исчезла. – Идем, – коротко сказал он и направился в сторону, противоположную той, куда прежде шла я.

Несколько минут мы шли молча. Генри смотрел не на меня, а вперед. Мне хотелось оказаться дома, чтобы все это поскорее закончилось.

– Спасибо, – сказала я, не в силах больше выносить молчание.

– Не за что, – коротко сказал Генри, по-прежнему не глядя на меня.

– Я просто… – начала я, не зная, куда меня это заведет, но чувствуя потребность объясниться. – Я это не специально. Просто пыталась отыскать дорогу домой.

– Ничего, – сказал Генри чуть менее сурово, чем прежде. – В конце концов нам же по пути. И кроме того, – продолжал он, в упор посмотрев на меня, и подобие улыбки показалось на его лице, – я же тебе говорил, что встреча неизбежна.

Я хотела ответить, но заметила, что дорогу нам преграждают два огромных упавших дерева со стволами, поросшими мхом. Тут же валялись разного размера доски. Завал был высотой по пояс.

– Что это? – спросила я.

– В прошлом месяце был ураган, – сказал Генри, приступив к преодолению препятствия, – деревья повалились вместе с домом, который был наверху.

Так вот откуда эти доски с гвоздями! И тут воспоминание о другом доме на деревьях заставило меня остановиться.

– А ваш до сих пор цел? – спросила я и только через секунду сообразила, что Генри теперь живет в другом месте. – Я хочу сказать, он все еще цел? Тот дом на деревьях? – Дом, о котором я говорила, построили Генри с отцом, и мы, объявив его запретной зоной для младших братьев и сестер, сидели в нем по несколько часов кряду, особенно в плохую погоду, когда нельзя было весь день проводить у озера.

– Цел, – ответил Генри, – насколько я знаю. Его видно с подъездной дорожки.

– Это хорошо, – сказала я и только тут поняла, как дорог мне тот дом.

– Да, – подтвердил Генри, – хорошо.

Обходя поваленные деревья, я смотрела на них, и в голове не укладывалось, что они, такие огромные и казавшиеся вечными, лежат на земле, что их смогли повалить ветер и дождь.

Генри уже ушел далеко вперед, и торопясь догнать его, я попробовала перелезть через поваленные деревья. Я взобралась на лежащий ствол – дальнейшее казалось лишь делом техники, – но вдруг оцарапала себе ногу сломанной веткой.

– Ай… – пробормотала я сквозь зубы.

Генри обернулся и прищурился.

– Что ты делаешь? – воскликнул он, возвращаясь ко мне.

– Ничего, – ответила я с досадой, что было не вполне справедливо по отношению к нему, ведь он любезно согласился помочь мне выйти из леса, а я сейчас дела все, чтобы усложнить ему задачу.

– Стой, – сказал он, и по его голосу я поняла, что он раздосадован не меньше моего. – Древесина гнилая, может…

Ствол, на котором я стояла, с треском проломился, я качнулась вперед и уже приготовилась к неизбежному падению, но Генри мгновенно оказался рядом и подхватил меня.

– Извини, – выдохнула я, чувствуя, как колотится у меня сердце, разгоняя по телу адреналин.

Я стала спускаться со ствола.

– Осторожно, – сказал он, – месяц назад Дэви вот так же вывихнул себе лодыжку.

– Спасибо, – я оперлась на Генри и, стараясь не думать о ползучих тварях, вероятно, живущих в гнилой древесине, вытащила ступню из пролома в стволе, в который она провалилась. И только оказавшись обеими ногами на твердой земле, заметила, что Генри крепко обнимает меня обеими руками. Через тонкую ткань футболки я чувствовала тепло его ладоней на спине. Я взглянула ему в глаза – было по-прежнему очень странно смотреть на Генри снизу вверх – и поняла, как мы близки: наши лица находились всего в нескольких сантиметрах друг от друга. Он, видимо, тоже заметил это, потому что сразу отпустил меня и отступил назад.

– Все нормально? – деловито спросил он.

– Да, – ответила я, стряхивая с себя прилипшие мокрые листья, чтобы он не видел, как я покраснела.

– Хорошо. – И он пошел вперед, а я за ним, стараясь ступать след в след, чтобы больше никуда не провалиться. Через несколько секунд мы вышли из лесу и я, щурясь от яркого солнца, поняла, что нахожусь всего в двух кварталах от нашего дома.

– Отсюда найдешь дорогу? – спросил Генри.

– Конечно, – ответила я, слегка оскорбленная его вопросом.

Он покачал головой и усмехнулся, и впервые с момента нашей встречи в этом году я увидела на его лице просто улыбку.

– Не сказать, чтобы ты хорошо ориентировалась, – сказал он. Я открыла рот, чтобы возразить, но он опередил меня: – Я просто помог тебе выйти из леса. – Он пристально посмотрел на меня и добавил: – И не первый раз. – Затем повернулся и ушел, оставив меня раздумывать о том, что хотел этим сказать.

И только когда Генри скрылся из виду, до меня дошло: первая наша встреча с Генри произошла в этом самом лесу.

Я шла домой, прикрывая глаза ладонью от солнца, казавшегося слишком ярким после лесного сумрака, и так погрузилась в мысли о том, как закончились наши отношения с Генри, что почти забыла, как они начались.

– Тейлор, где ты была? – спросила мама, когда я вернулась. При виде царапин у меня на ногах она только ахнула. Я пыталась тихонько проскользнуть к себе в комнату, надеясь, что все еще спят, но мне не повезло: мама распаковывала заполонившие всю кухню бумажные пакеты из местного магазинчика, более-менее напоминающего супермаркет. До более крупных магазинов было добрых получаса езды.

– Просто гуляла, – рассеянно ответила я, оглядывая кухню и стараясь не встречаться с ней взглядом. Кофе-машина, как я заметила, по-прежнему стояла без кофейника – мама предпочитала чай. Это означало, кроме всего прочего, что

спустя два часа после моего ухода отец еще спал.

– Встретила Пола Кроссби в магазине, – сообщила мама, говоря об отце Генри, и я почувствовала, что начинаю краснеть. Хорошо, что мама встретилась с ним до того, как он успел узнать от своих сыновей, что я заблудилась в лесу. – В молочном отделе. Говорит, они теперь наши соседи.

– Ну надо же! – отреагировала я. Мои щеки пылали, поэтому я открыла холодильник и сунула туда голову, делая вид, что что-то ищу.

– Тебе надо бы сходить поздороваться с Генри, – продолжила мама, пока я переставляла пакеты с молоком так, чтобы срок годности сразу был заметен.

– М-м-м, – я закрыла дверцу холодильника и прислонилась к ней спиной.

– А мне, наверно, стоит сходить поздороваться с Эллен, – заключила мама. Такая перспектива, судя по тону, которым это было сказано, казалась ей не слишком привлекательной, и я не виню ее. Мать Генри мирилась с нашим присутствием только при условии, что мы вели себя тихо и не попадались ей под ноги. Когда мы были детьми, то могли ворваться к нам в дом, не прерывая перестрелки из водяных пистолетов, но перед дверью в дом Генри игры сразу прекращались и все затихали, и об этом не было нужды просить или напоминать. У них дома нельзя было строить крепости из стульев одеял. Я всегда подозревала, что мама недолюбливает миссис Кроссби, хотя прямо она никогда мне об этом не говорила.

Я вытащила из стоявшего на столе пакета яблоко, но мама выхватила его у меня, быстро вымыла, обтерла ладонями воду и вернула.

– Вы с Генри раньше так дружили, – сказала она.

Я повернулась к окну и посмотрела на дом Кроссби, главным образом для того, чтобы мама не могла видеть выражения моего лица.

– Ну да, – подтвердила я. – Но, мам, ведь это было давно.

Она стала складывать пакеты. Я могла помочь, но вместо этого прислонилась к кухонному столу и стала есть яблоко.

– Ты уже звонила Люси? – спросила мама.

Я откусила большой кусок, думая о том, почему маме кажется, что она знает, что и когда мне надо делать. Почему бы ей не спросить, например, не хочу ли я позвонить Люси? Потому что я-то совершенно этого не хотела.

– Нет, – ответила я, удержавшись от того, чтобы закатить глаза, хотя мне очень хотелось. – И, наверное, не позвоню.

Мама посмотрела на меня взглядом, который ясно давал понять, что она считает это ошибкой, и убрала бумажные пакеты под раковину.

– Друзьями детства надо дорожить. Они знают тебя как никто другой.

После встречи с Генри, произошедшей сегодня утром, я вовсе не была уверена, что друзья детства так уж хороши. Мама прошла к холодильнику, на котором висел летний календарь. Ассоциация Лейк-Финикса изготавливала такие календари каждый год, и каждое лето один из них висел у нас на холодильнике. Предполагалось, что он должен висеть в вертикальном положении, так, чтобы были видны все три летних месяца сразу. Календарь был украшен фотографиями улыбающихся детей на яхтах, счастливых супружеских пар, отдыхающих у озера, и пожилых людей, наблюдающих восход солнца. Мама прикрепляла эти календари с помощью магнитов, разных по форме и размеру.

Календарь в самом начале летнего сезона доставлял особое удовольствие, наглядно демонстрируя, как долго еще продлятся каникулы. В прежние годы лето казалось бесконечным, так что к августу я уже до отвала наедалась шоколадными батончиками и мороженым и, искусанная москитами, уже с нетерпением ждала, когда настанет осень, принося с собой прохладу и Хэллоуин, а там и до Рождества было рукой подать.

Сейчас, глядя в календарь, я стала считать дни и запаниковала так, что стало тяжело дышать. В мой день рождения три недели назад отцу, по словам врачей, оставалось жить четыре месяца. Может быть, больше, но возможно, и меньше. И три недели уже прошли, что означало…

Я уставилась в календарь так пристально, что сетка, разделяющая месяц на квадратики дней, поплыла перед глазами. Была середина мая, впереди еще весь июнь. И затем июль. Но что потом? Я посмотрела на август, на фотографию пожилой четы: супруги держались за руки, наблюдая восход над озером Финикс. Я понятия не имела, что произойдет в августе, во что превратится моя жизнь, если отец еще будет жив.

– Тейлор, – послышался озабоченный голос мамы, – у тебя все в порядке?

У меня все было далеко не в порядке, и обычно именно в таком состоянии я сбегала – садилась в машину и ехала куда-нибудь, уходила на долгую прогулку, стараясь забыть о проблемах. Но сегодня утром я поняла, что уход из дома в таких случаях нисколько не помогает, а только ухудшает положение.

– Все нормально, – сердито сказала я в ответ, хоть мама этого и не заслуживала. Но мне хотелось, чтобы она не задавала неуместных вопросов. Более того, я несправедливо требовала от нее невозможного – чтобы она вернула все на свои места. Но она ничего не исправила раньше и не сможет исправить теперь. Выбросив недоеденное яблоко, я вышла из кухни.

В чудом оказавшейся пустой ванной я долго стояла под душем, смывая грязь с царапин на ногах, до тех пор пока горячая вода в крошечном водонагревательном баке не кончилась.

Когда я вернулась в кухню, там пахло кофе. В кофе-машине бурлило и шипело, и кофейник наполовину был полон. На застекленной террасе перед ноутбуком с кружкой горячего кофе в руках сидел отец и смеялся над чем-то, что говорила мама. Он выглядел таким живым, что казалось, этот календарь на стене не имеет к нему никакого отношения, ведь увидев отца сейчас в свете яркого солнца, его вполне можно было принять за здорового человека, если не знать, что на самом деле дни его сочтены. Я подошла к двери на застекленную террасу и прислонилась к косяку. Отец повернулся и посмотрел на меня.

– Привет, малыш, – сказал он. – Что нового?

И прежде чем я успела хоть что-то ответить, он посмотрел на пейзаж за окном и улыбнулся.

– Славный денек выдался, а?

Глава 7

Перемена. Слово из одиннадцати букв. Я взглянула на кроссворд в газете, постучала карандашом по незаполненным пока клеткам девятнадцатого номера по вертикали и, пытаясь сосредоточиться, стала смотреть через окна террасы на озеро. Я не любила разгадывать кроссворды, но хотелось хоть как-то себя развлечь. На шестой день пребывания в Лейк-Финиксе я уже на стену лезла от скуки. Хуже всего было то, что в этой ситуации, в отличие от, например, сольных выступлений Джелси, на которых обычно Уоррен тоже скучал, я никому не могла пожаловаться на тоску, потому что никто и не обещал, что меня здесь будут развлекать. Никакого веселья вовсе не предполагалось. Тем не менее мне было невыносимо скучно и я очень страдала от собственной раздражительности, вызванной как раз одиночеством.

Я услышала знакомое шуршание шин грузовичка «ФедЭкс»[5 - Частная почтовая служба срочной доставки посылок и бандеролей.] по гравию подъездной дорожки и вскочила, чтобы получить почту, – надо же было хоть чем-то себя занять, – но выйдя из дома, обнаружила, что отец уже принял белую коробку и держит ее в руках, кивая знакомому водителю.

– Не даете мне скучать, – водитель опустил очки со лба на глаза. – Только вам во всей округе и доставляю.

– Охотно верю. – Отец развернул квитанцию на коробке.

– А если бы вы привязывали пса, я бы вам спасибо сказал, – добавил водитель, усаживаясь в кабину. – Едва не сбил его сегодня. – Он завел двигатель, сдал назад по подъездной дорожке и, выехав на улицу, посигналил.

Отец повернулся ко мне и приподнял брови.

– Собака?

– Бог ты мой! – Я прислонилась к перилам крыльца и, разумеется, увидела уже знакомого пса у поворота на улицу. – Пошел отсюда! – закричала я. – Убирайся! – Пес посмотрела на меня, затрусил по улице и скрылся из виду, но что-то мне подсказывало, что он вскоре вернется. – Собака эта… – сказала я, когда позвякивание бирки на ошейнике затихло, – считает, что здесь ее дом.

– Вот как, – сказал отец. Он по-прежнему выглядел несколько озадаченным, и я понимала, что от моих слов яснее не стало. Отец прошуршал по гравию, поднялся на крыльцо и слегка облокотился о перила. – Сделай так, чтобы твой брат ее не видел.

– Ладно, – ответила я и пошла следом за отцом на террасу, где тот уже распаковывал посылку. Внутри оказались многочисленные документы, многие из которых были помечены разноцветными стикерами. Подобного рода материалы отец получал из своей юридической фирмы каждый день, все бумаги относились, по-видимому, к делу, над которым он работал. Однажды я спросила его, почему компания не может присылать эти документы электронной почтой вместо того, чтобы гонять каждый день грузовичок «ФедЭкс» по горам Пенсильвании, и он ответил, что того требуют соображения секретности.

Я плюхнулась в кресло напротив отца и вздохнула, вспомнив, что не выполняю его единственную просьбу – не торчать дома.

В первый же день по приезде в Лейк-Финикс стало очевидно, что Уоррен, Джелси и я понятия не имеем, чем заняться. По этой причине следующие два дня мы просто слонялись за отцом из комнаты в комнату на случай, если ему вдруг захочется с нами поговорить по душам. И вот теперь мы сидели за столом на веранде, где он обычно работал. У Джелси была потрепанная автобиография балерины Сюзанны Фаррел «Держась за воздух», у меня – журнал, обложку которого я оторвала из-за того, что по ней побегал паук, у Уоррена – учебник. Мы вроде бы читали, правда, всякий раз как отец отрывался от бумаг, мы делали то же, и Уоррен неестественно улыбался – все мы ждали, чтобы кто-нибудь сказал нам, чем себя занять.

В прежние годы мы сидели дома только когда лил дождь. Как видно из названия, Лейк-Финикс – курортный городок, который оживает летом. Публика любит его за озеро с пляжем. Есть тут и бассейн с водной горкой, с которой я раньше часто каталась, а еще теннисные корты и поле для гольфа. Так что местечко напоминало нечто среднее между загородным клубом и туристическим

лагерем, правда, отнюдь не роскошными. Тут не было миллионных владений, но за вход на пляж и посещение бассейна следовало платить. Небольшой, расположенный на удалении от других городов, Лейк-Финикс вполне безопасен, и меня отпускали гулять без присмотра с семилетнего возраста. Тут курсировал детский автобус и имелся постоянный маршрут до бассейна и пляжа, но им я пользовалась редко, разъезжая в основном на велосипеде.

Раньше мама часто проводила время на пляже и играла в теннис, а отец работал на открытом воздухе или играл в гольф. Мы же по настоянию родителей брали уроки тенниса и гольфа, ходили на пляж и в бассейн. Все возвращались домой к ужину, собирались на веранде и каждый выглядел более загорелым, чем утром. В хорошую погоду мы никогда не сидели дома.

Отец оторвался от бумаг, заметив, что мы на него смотрим, а Уоррен еще и улыбается.

– Ну хватит, – сказал отец. – Вы меня с ума сведете.

Я взглянула на брата, который посмотрел на меня в недоумении. Я не совсем понимала, что отец имеет в виду, тем более что очень старалась не делать ничего, что могло бы его раздражать.

– А, – спросила я, когда стало ясно, что брат и сестра решили промолчать, – что мы такого делаем?

– Ничего не делаете, – сердито ответил отец. – В том-то и беда. Нечего целый день на меня таращиться, как будто на мне ставят какой-то медицинский эксперимент или, что еще хуже, снимают реалити-шоу.

Я заметила, как Уоррен открыл рот, чтобы что-то возразить, но тут же передумал – лишнее доказательство того, что мы ведем себя неестественно: не было случая, чтобы Уоррен не воспользовался готовым аргументом.

– Слушайте, – отец немного смягчился, – я благодарен вам за то, что вы пытаетесь делать. Но я бы хотел, чтобы у нас, насколько это возможно, было нормальное лето. Договорились?

Я кивнула, хоть и не совсем понимала, что он подразумевает под «нормальным летом», ведь в последние годы мы проводили лето не вместе.

– Тогда, – продолжила Джелси, и ее карие глаза заблестели и стало заметно, что она сидит как-то особенно прямо, – как нам проводить время?

– Как хотите, – отец развел руками. – Делайте что угодно, только не торчите целый день дома. Сейчас же каникулы. Найдите себе какое-нибудь развлечение.

Только этого, по-видимому, сестре и не хватало. Она выскочила из-за стола и побежала в дом с криком: «Мама, давай растягиваться у станка!». Отец, улыбаясь, проводил ее глазами, потом повернулся ко мне и Уоррену – мы по-прежнему сидели за столом.

– Я серьезно, – отец махнул, чтобы мы уходили. – Помимо этого дела мне вскоре придется начать работу над еще одним очень важным проектом, и для этого мне нужен покой.

– Проектом? – переспросил Уоррен. – Что за проект?

– Просто проект, – ответил отец, по-видимому, поглощенный документом, который был у него в руках.

– Итак… – продолжил Уоррен, и я заметила, что брат чересчур старается говорить небрежно, как всегда бывало, когда, он не хотел показывать, что обижен. – Ты не хочешь проводить с нами время?

– Не в этом дело, – мне показалось, что отец сморщился, словно от боли. – Разумеется, мне хочется быть с вами. Но это просто странно: вы сидите дома, в то время как на дворе лето! – Уоррен вздохнул, видимо, собираясь попросить отца уточнить, что, собственно, он имеет в виду. Вероятно, предвидя это, отец продолжил: – Можете делать что угодно. Я просто хочу, чтобы вы чем-нибудь занялись. Найдите себе работу. Читайте полное собрание сочинений Диккенса. Научитесь жонглировать. Мне все равно. Просто перестаньте ходить за мной по пятам, ладно?

Я кивнула, хотя и не собиралась занимать себя перечисленными способами. У меня никогда не было работы, меня нисколько не привлекало жонглирование, а о Диккенсе я написала довольно много в первый год изучения английского в старшей школе. Он потерял меня как читателя с первых страниц «Повести о двух городах» – я не могла понять, как время может быть одновременно и самым лучшим, и самым худшим.

Уоррен и Джелси, в отличие от меня, без труда придумали, чем заняться. Сестра собиралась каждый день вместе с мамой заниматься у станка, работать над техникой, с тем чтобы не отстать в балетной подготовке. Мама заехала в клуб Лейк-Финикса и каким-то образом сумела убедить тамошнее начальство позволить Джелси пользоваться одним из его помещений несколько раз в неделю, когда там нет занятий по йоге для пожилых. Пойдя навстречу пожеланиям мамы, Джелси согласилась также брать уроки тенниса. Уоррен, блаженствуя, погрузился в чтение учебников для первокурсников, и обычно его можно было застать на террасе или на пристани с маркером в руках, которым он вдохновенно что-то помечал. Вся ситуация лишний раз подчеркивала исключительность брата и сестры, которые, казалось, с самого рождения знали, чем будут заниматься, и успешно шли намеченной дорогой к славе, оставляя меня далеко позади.

Последние пять дней я слонялась без дела и только путалась у всех под ногами. Еще никогда в жизни дом не казался мне таким маленьким и никогда в нем не было так мало мест, где можно спрятаться. Со времени встреч с Генри, о которых я не могла вспоминать без стыда, я не ходила ни на пристань, ни в лес. Я вообще перестала выходить на улицу, если не считать ежевечернего променада к помойке, чтобы выкинуть мусор и прогнать пса, который, по-видимому, не хотел от нас уходить по собственной воле.

Как я узнала, мама зашла к миссис Кроссби за горшком с геранью, но не застала ее дома, зато дверь ей открыла какая-то девушка-блондинка примерно моего возраста.

Я изо всех сил старалась не думать об этом и не позволяла мыслям об этом себя тревожить. В конце концов какая мне разница, есть у Генри подружка или нет? Но это обстоятельство каким-то образом делало последние две встречи с ним еще более унизительными и я старалась не смотреть на дом Кроссби и не задумываться, дома ли Генри.

Сейчас, сидя за столом и наблюдая, как отец листает бумаги, я – в последнее время это повторялось все чаще – испытала что-то вроде приступа клаустрофобии. Мне казалось, что надо выбраться из замкнутого пространства, но идти было совершенно некуда.

– Получается? – спросил отец, и я заметила, что он пытается прочесть вверх ногами слова в моем кроссворде.

– Вот на этом застряла, – ответила я, постукивая пальцем по пустым клеткам. – Перемена, слово из тринадцати букв.

– Хм, – сказал он, откинулся на спинку стула, нахмурился и покачал головой. – Не знаю. Но, может, само придет. Буду держать тебя в курсе, – он отодвинул стул и встал. – Мне надо съездить в город за покупками. Хочешь со мной?

– Конечно, – не задумываясь, ответила я. Это казалось более увлекательным занятием, нежели бесцельное блуждание по Интернету, чем я в основном занималась после полудня, поскольку хождение по дому за отцом теперь исключалось. Я пошла в дом, чтобы обуться.

Мы встретились на подъездной дорожке. Отец стоял у «ленд крузера» и поигрывал ключами. Я прошла по гравию, чувствуя каждый камешек под тонкими резиновыми подошвами, и остановилась перед машиной.

– Готова?

– Конечно, – медленно выговорила я, поправляя холщевую сумку на плече. Я не могла не думать о флаконах с таблетками, выстроившихся в ряд на столе в кухне, и понятия не имела, каково их действие, прямое и побочное. Отец не водил машину с того дня, когда я ушла из дому, а он меня нашел и повез завтракать.

– Хочешь, я поведу? – спросила я. Но отец только отмахнулся и стал открывать дверь со стороны водительского сиденья.

– Я хочу сказать… – начала я и почувствовала, что сердце забилось быстрее. Критиковать отца или оспаривать его решения я не умела, у меня просто не

было такого опыта. – Тебе-то вести… ничего? – быстро проговорила я, с трудом выталкивая из себя слова.

Эта фраза повисла в воздухе. Отец посмотрел на меня через капот, и по выражению его лица я поняла, что переступила черту дозволенного.

– Со мной все нормально, – коротко ответил он и открыл дверь, а я, обойдя машину спереди, села рядом с ним, чувствуя, как краснею.

Несколько минут мы ехали молча по нашей улице, потом я спросила:

– Что надо купить? – и услышав неестественную бодрость собственного голоса, который даже не походил на мой, подумала, что такой тон вероятно сродни натянутой улыбке Уоррена.

– Твоя мама, – начал отец, останавливаясь перед знаком «стоп», и по его взгляду и улыбке я поняла, что он не сердится из-за моего вопроса и готов поддержать разговор на другую тему, – попросила купить кукурузу к ужину. Потом мне надо забрать почту. И… – он помолчал и посмотрел на дорогу позади нас, – я подумал, может, ты захочешь зайти в клуб, написать заявление о приеме на работу?

– О, на работу. – Я выглянула из окна, испытывая неловкость. Отец, конечно, понимает, что, в отличие от Уоррена и Джелси, у меня нет призвания, которое помогло бы мне занять свободное время. К сожалению, опыта работы у меня тоже не было. В прежние годы летом я изучала иностранные языки методом погружения или ездила в естественнонаучный лагерь, где приходилось препарировать животных.

– Я, конечно, не настаиваю на этом, – закончил отец, когда мы подъезжали к главной улице Лейк-Финикса, Мейн-стрит. – Просто предлагаю.

Я кивнула и, пока он поворачивал на Мейн-стрит и искал место на стоянке, обдумывала его слова. Я понимала, что нельзя все лето просто болтаться дома, ничего не делая, но не могла придумать альтернативы этому.

Мы вышли из машины.

– Ладно. – Я закинула сумку на плечо, закрыла дверь и указала головой в сторону здания клуба, где также находилась и администрация Лейк-Финикса. – Я попробую.

Отец улыбнулся мне:

– Вот и умница.

Я улыбнулась в ответ, но тотчас запаниковала. Мне хотелось остановить время, не дать ему идти вперед, а то и вовсе повернуть вспять. Но отец уже отвернулся и пошел по улице.

– Встречаемся через тридцать минут, – крикнул он.

Я взглянула на часы. В Коннектикуте я их не носила, ведь со мной всегда был сотовый, который молчал, если не считать единичных неуклюжих текстовых сообщений от знакомых, продолжавших поддерживать со мной отношения. Чтобы лишний раз не огорчаться, что мне никто не звонит, я стала оставлять телефон в комнате, тогда и возникла потребность в часах.

– Тридцать, – эхом отозвалась я, – договорились.

Отец кивнул мне и пошел в магазин, чтобы купить кукурузу по просьбе мамы.

Я повернулась и, жалея, что этим утром не достаточно хорошо привела себя в порядок, направилась к клубу. На мне было то, что, возможно, через несколько дней станет моей униформой – шорты из обрезанных джинсов и майка на лямках. Меня смущало, что такая одежда наряду с отсутствием опыта работы может серьезно уменьшить мои шансы заполучить место. Но я уже стояла перед зданием, отделанным деревянными панелями, с гербом Лейк-Финикса в окне (вода капает с крыльев поднимающегося из озера феникса, а за ним восходит или заходит солнце), и понимала, что ничего не остается, как попробовать, поэтому расправила плечи и потянула на себя входную дверь.

Через пятнадцать минут у меня была работа. В изумлении я вышла из здания на солнечный свет и моргала, пока не опустила на глаза солнцезащитные очки. Теперь у меня были три белые футболки (стоившие больше, чем моя зарплата за

первую неделю), блокнот и указание явиться на пляж в течение трех дней. Джиллиан, ответственная за наем работников, просмотрев мое заявление и полистав список вакансий в компьютере, несколько раз повторила мне, что я обратилась очень поздно, поэтому ожидать чего-то приличного, да и вообще чего-либо, мне не стоит.

Административные помещения Лейк-Финикса оказались больше, чем я ожидала: мне никогда не приходилась подолгу находиться в этом здании, не считая тех случаев, когда по воскресеньям родители приходили сюда на поздний завтрак и мы с Уорреном томились в ожидании разрешения бежать на пляж. Я нашла отдел кадров, который в летнее время трудоустраивал подростков на свободные вакансии в Лейк-Финиксе: спасателями, рабочими в закусочную при бассейне или на пляже, преподавателями йоги в группе для пожилых. Большинство моих знакомых сверстников первую работу получило в четырнадцать лет – обычно черную, что почти всегда означало уборку туалетов, – но чем старше становился соискатель, тем более привлекательную должность ему предлагали. Если бы я продолжала приезжать в Лейк-Финикс на лето, свою первую работу я, вероятно, получила бы еще несколько лет назад. Но пока графа заявления «опыт работы» оставалась, к моему стыду, пустой.

Джиллиан в конце концов нашла для меня вакансию на пляже. Описание обязанностей было очень расплывчатым, что меня несколько беспокоило. Так как я не посещала курсов для подготовки спасателей, мне, по видимому, предстояло работать в закусочной. Но Джиллиан не упомянула о том, что в мои обязанности входит и уборка туалетов, поэтому я согласилась.

Теперь, стоя на послеполуденном пекле посреди Мейн-стрит, я сообразила, что до встречи с отцом осталось еще время, которое надо чем-то занять, и зашла в крошечную библиотеку Лейк-Финикса, где продлила свой читательский билет и взяла три детектива в мягких обложках. В прохладном кондиционированном здании библиотеки я бы осталась и подольше, но не хотелось упускать возможности пройтись по Мейн-стрит.

Торговый район Лейк-Финикса довольно мал и протянулся вдоль одной улицы. Нет даже кинотеатра, и, чтобы посмотреть фильм, надо ехать минут двадцать в соседний городок, Маунтинвью, где есть кинотеатр, поле для гольфа и галерея игровых автоматов. Мы ездили туда в дождивую погоду. В Лейк-Финиксе всего один светофор, бензоколонка и несколько магазинов. Один из них – «Скромный пирог», рядом с ним – «Хенсонз Продьюс». Есть еще кафе-мороженое «У милой

малышки Джейн», где Джелси не берет ничего, кроме клубничного коктейля, хозяйственный магазин, «Поконо-кофе-шоп», который все называют просто закусочной, и магазин «Дай мне знак», специализирующийся на вывесках для домов.

Идя по улице, я отмечала для себя все новые магазины, но иногда не могла вспомнить, что находилось в некоторых домах раньше. Магазин кормов для домашних животных вместе с парикмахерской для собак «Купи слона», похоже, открылся недавно, но в нем было пусто, если не считать листавшей журнал рыжеволосой девушки за прилавком. Почти в самом конце Мейн-стрит я оказалась перед еще одним новым магазином, который назывался «Время взаймы». Выглядел он как булочная – в одной из витрин были выложены буханки хлеба, а в другой выставлен великолепный многослойный торт, при виде которого в животе у меня заурчало. Я не стала смотреть на торт, а начала разглядывать через витрину магазин, и тут только обратила внимание, что рядом со мной кто-то деликатно покашливает. Я обернулась и увидела недовольного старичка в огромной бейсбольной кепке болельщика с надписью «Филадельфия».

– Захо?дите? – сердито спросил он, кивая на дверь, которую загородила.

– Извините, – сказала я, открыла дверь и придержала ее, пропуская старичка в магазин. Он пробурчал что-то и вошел. Я уже собиралась закрыть дверь и пойти к нашей машине, но меня одолело любопытство. Кроме того, из магазина на меня повеяло кондиционированной прохладой и восхитительным запахом свежего хлеба. Я вошла внутрь, и дверь за мной закрылась.

Внутри действительно было прохладно. Некоторое время глаза привыкали к полумраку после залитой солнцем улицы. Наконец взгляд обрел резкость, и у окон я увидела два небольших деревянных стола со стульями и стеклянную витрину, тянущуюся параллельно фасаду от одной стены магазина до другой, с выставленными выпечкой и печеньем, а за ней – стеллажи с хлебом, запах которого привлек меня на улице. В животе у меня снова заурчало, и я подумала, что, наверное, стоит купить что-нибудь, чтобы заморить червячка до ланча.

За прилавком никого не было, и старичку в кепке с надписью «Филадельфия» это, по-видимому, совсем не нравилось – он громко звонил в установленный на прилавке серебряный колокольчик, бормоча между звонками что-то о безобразном обслуживании. Я сделала шаг вперед, желая рассмотреть, что же

все-таки приняла за малиновый торт к кофе, и тут заметила на прилавке раскрытую на кроссворде газету и лежавший на ней карандаш. Я подошла еще ближе, желая выяснить, удалось ли тому, кто разгадывал кроссворд, заполнить девятнадцатый номер по вертикали, и наклонилась над газетой. В это время старичок позвонил в колокольчик еще раз, и из глубины магазина послышался голос:

– Минуточку! Сейчас подойду.

– Ждем не дождемся, – негромко проговорил старичок, поворачиваясь ко мне за одобрением. Но я замерла. Голос был знакомый. Я взглянула на входную дверь, прикидывая, успею ли выскочить из магазина, прежде чем меня заметят, и уже окончательно решила бежать, как металлическая дверь за прилавком открылась, и в зал вошел Генри.

Глава 8

Он стоял и смотрел на меня, а я не могла оторвать взгляд от его зеленых глаз. Мне хотелось расхохотаться – куда в Лейк-Финиксе ни пойди, обязательно наткнешься на Генри. Старичок посмотрел сперва на меня, затем на него, опять нахмурился и позвонил в колокольчик.

Это вернуло Генри к действительности.

– Простите, – быстро проговорил он.

Старичок недовольно хмыкнул.

– Что вам угодно?

– Ждешь, ждешь, – ворчал старичок, которому с появлением продавца не столько захотелось что-либо купить, сколько пожаловаться на плохое обслуживание.

– Простите, – повторил Генри с той же интонацией, что и прежде, и я не смогла сдержать улыбку.

Чтобы скрыть ее, я наклонилась к витрине, где рядами были выложены несколько видов глазированного печенья, каннолли и шоколадные пирожные с орехами. Разглядывая эти лакомства, я украдкой бросила взгляд на Генри, который кивал, слушая претензии старичка. Он был в джинсах и светло-зеленой футболке с черной надписью на груди «Время взаймы». Одно его плечо было испачкано мукой. Я очень удивилась тому, что он здесь работает. Выходило, что о его теперешней жизни я совсем ничего не знаю.

В прежнее время Генри вполне уверенно чувствовал себя вне дома, и наша встреча в лесу это подтверждала. В тех редких случаях, когда я думала о Лейк-Финиксе и своих знакомых, то всегда представляла себе Генри, занятого какой-то работой.

Звон кассового аппарата вернул меня к действительности. Генри дал старичку сдачу и придвинул к нему по прилавку зеленую коробку с покупками.

– Спасибо, – вежливо, как и полагается продавцу, сказал Генри. – Всего доброго.

– Да уж, – проворчал старичок, забрал коробку и вышел из магазина. Мы с Генри остались наедине.

Я посмотрела на него, на свою одежду и во второй раз за сегодня пожалела, что не оделась во что-то приличное, но сразу отбросила эту мысль. Генри уже видел меня неумытой и исцарапанной в лесу. Кроме того, какое ему до меня дело, если у него есть какая-то блондинка. Впрочем, какая мне разница?

– Итак, – Генри покачал головой, – по-моему, хватит нам таких встреч.

– Работаешь здесь? – спросила я и сразу поняла, что задала глупый вопрос. Разумеется, работает, иначе с какой бы стати ему стоять за прилавком, обслуживая брюзгливых болельщиков команды «Филадельфия»? – Я хотела сказать, – сразу поправилась я, стараясь, чтобы сказанное как можно меньше походило на вопрос, – ты здесь работаешь.

– Работаю, – в уголках его губ заиграла усмешка. Стало ясно, что моя попытка превратить нелепый вопрос в утверждение тоже провалилась. – Это булочная-пекарня моего отца.

– А… – я не в силах была скрыть удивление. Папа Генри, как и мой, в деловом костюме, с портфелем в руках, в пятницу вечером выходил из автобуса вместе с остальными отцами. Я обвела взглядом магазин, пытаясь понять смысл услышанного, но не смогла. – Разве, – продолжила я после недолгого молчания, – он раньше не в банковской сфере работал?

– Раньше – да, – резко ответил Генри. Мне показалось, что он не хочет развивать эту тему, и я тут же пожалела, что спросила. Мистер Кроссби, вероятно, потерял работу, и Генри не было нужды мне это объяснять. – Он говорит, что принцип здесь тот же, – добавил Генри чуть мягче. – Там стоимость активов, здесь – тесто, но и здесь, и там надо, чтобы они поднимались. – Услышав такой каламбур, я охнула, ведь шутка была вполне в духе моего отца, и Генри слегка улыбнулся.

Наступило молчание. Он засунул руки в карманы и прочистил горло.

– Так что вам угодно? – отстраненно спросил он, снова входя в роль продавца.

– Так, – быстро проговорила я, сообразив, что покупатель, находясь в магазине, должен знать, чего хочет, и подобный вопрос не должен застать его врасплох. – Хм… – Я заметила поднос с небольшими кексами, покрытыми разноцветной глазурью пастельных цветов, но сразу от них отвернулась, поскольку они напомнили о последнем моем дне рождения, о праздновании на скорую руку, о диагнозе отца. Поискав еще, я ткнула пальцем в первое попавшееся лакомство в витрине. – Дюжину вот этих. – Потом рассмотрела и поняла, что указала на овсяное печенье с изюмом. Я ненавижу овсянку во всех видах, особенно когда ее пытаются представить в виде десерта. Джелси не любит изюм, так же как и все остальные в нашей семье. Получалось, я выбрала то, что никто из домашних, скорее всего, есть не станет.

– В самом деле? – Генри произнес это скорее не как вопрос и удивленно поднял брови. – Овсяное?

Я молча смотрела на него. Он не мог помнить, что пять лет назад я терпеть не могла овсянку. Это невозможно.

– Ага, – медленно проговорила я, – овсяное. А что?

– Да нет, ничего, – сказал он, достал с полки позади прилавка еще одну зеленую коробку и стал перекладывать в нее по два овсяных печенья сразу. – Просто думал, что ты его не любишь.

– Не могу поверить, что ты это помнишь, – сказала я, наблюдая, как коробка постепенно заполняется самым невкусным печеньем в мире.

– Отец зовет меня слоном. – Я посмотрела на него, не зная, как на это реагировать, но он объяснил. – Говорят, они очень долго все помнят. – Генри наклонился, чтобы достать с подноса два последних печенья. – Я действительно мало что забываю, – спокойно добавил он.

Я уже собиралась кивнуть, когда до меня дошло, что сказанное имеет второй смысл. Генри не забыл, какое печенье я не любила пять лет назад, но это также означало – он помнит, что я сделала.

Генри переложил печенье в коробку, выпрямился и посмотрел на меня.

– Тут одиннадцать, больше нет. Можно добавить еще одно шоколадное?

– Да! – ответила я, вероятно, с чрезмерной готовностью.

Мне показалось, что, наклоняясь, Генри улыбнулся. Он переложил одинокое шоколадное печенье в коробку, закрыл крышку, придвинул по прилавку ко мне, пробил чек, а когда давал сдачу, я заметила, что он держит купюры за самые края и кладет монеты мне в ладонь так, будто хочет избежать случайного прикосновения.

– Ладно, – сказала я, поняв, что не остается ничего другого, как только забрать коробку и уйти, – спасибо.

– На здоровье, – пожелал он. Тут его взгляд остановился на моем плече, и Генри слегка нахмурился. – Что у тебя с рубашкой? – спросил он, и я поняла, что он смотрит на одну из моих новых футболок, которая выглядывала из холщовой сумки.

– Ой… – Я запихнула ее поглубже. – Только что нашла работу. В баре-закусочной на пляже.

– Правда? – удивленно спросил он. На этот раз это был, несомненно, вопрос.

– Да, – сказала я с решимостью отстаивать правильность своего поступка, а про себя подумала: он не знает, что это моя первая работа и на ней мне придется заниматься неквалифицированным трудом. – А что?

Генри набрал воздуха, собираясь ответить, но в это время дверь открылась, и в магазин вошли две женщины примерно маминого возраста, обе одетые во что-то наподобие восточных халатов с поясом и в сандалиях.

– Ничего. – Генри покачал головой, – Неважно.

Женщины встали за мной, разглядывая пирожные в витрине, и я поняла, что пора уходить.

– Пока, – сказала я, забирая зеленую коробку.

– Держись подальше от леса, – ответил он с ироничной улыбкой.

Мы встретились взглядами, и я подумала: это ли не возможность извиниться за то, что я сделала? Вряд ли мы снова станем друзьями, но мы же соседи и мои извинения могли бы разрядить ситуацию, по крайней мере, позволили бы мне снова появляться на пристани.

– Что-нибудь еще? – спросил Генри вполне доброжелательно. Я чувствовала на себе взгляды женщин, ожидавших моего ответа. Но я пять лет назад струсила – от этого-то, кажется, вся каша и заварилась – и по-прежнему оставалась трусихой.

– Нет, – ответила я и отошла, позволив женщинам купить пирожные к кофе. – Больше ничего, – я повернулась и вышла из магазинной прохлады в послеполуденное пекло.

Отец ждал меня, прислонившись к «ленд крузеру». У его ног стоял бумажный пакет с рекламой «Хенсонз Продьюс», а в руке он держал пластиковую коробочку с палочками лакрицы. Такие коробочки лежали в магазине возле кассы, и всякий раз, когда отцу поручали что-то купить – или когда он мог перехватить в «Хенсонз Продьюс» возле кассы кого-то из нас, – он брал лакрицу, и обязательно черную. Уоррен сказал, что красная лакрица вовсе не настоящая, изготавливается не из солодки, и с тех пор черную лакрицу отец полюбил еще сильней.

– Эй, малыш, – улыбаясь, сказал отец, когда я подошла, – что нового? – Он посмотрел на зеленую коробку из булочной, и его улыбка стала еще шире. – Что это?

Я вздохнула и открыла коробку.

– Овсяное печенье, – мрачно сказала я.

– О, – отец заглянул в коробку. – Зачем же овсяное?

– Долгая история, – сказала я, не желая признавать, что купила его, разволновавшись из-за встречи с бывшим другом. – Есть новость: я нашла себе работу. Начинаю завтра в закусочной на пляже.

Отец искренне и радостно улыбнулся.

– Отлично, малыш, – сказал он. – Первая твоя работа. Это важная веха. Помню… – он умолк и закрыл глаза от боли.

– Пап, – испуганно сказала я, подходя ближе. – Папа!

Его лицо снова исказилось, он схватился за спину, сумка упала, лакричные палочки рассыпались по земле.

– Все нормально, – проговорил он сквозь стиснутые зубы, но я ему не поверила. Он стоял с плотно закрытыми глазами, на лбу выступили капли пота. – Вот только… еще секунду.

– Ладно, – сказала я, сжимая зеленую коробку, и осмотрелась в надежде увидеть кого-нибудь из знакомых, кто мог бы нам как-то помочь или хотя бы сказал мне, что делать. Сердце у меня колотилось. Будь с нами мама, мне бы не пришлось принимать решение самостоятельно.

– У вас все нормально? – Рыжеволосая девушка, которую я видела в окне «Купи слона», с озабоченным видом смотрела на отца. В руке она держала трубку беспроводного телефона. – Может быть, куда-нибудь позвонить?

– Нет, – ответил отец несколько сдавленным голосом, открыл глаза, достал из заднего кармана белый носовой платок и провел им по лбу. Платки у него были всегда под рукой, и, не зная, что подарить ему на День отца, я покупала их. Отец положил платок в карман и попытался улыбнуться рыжеволосой девушке. – Все в порядке.

– Хорошо, – сказала она, кивнула, но не ушла, а осталась стоять на месте, не сводя глаз с отца.

Он повернулся ко мне, и я заметила, что он бледен и тяжело дышит.

– Не хотел пугать тебя, малыш, – сказал он.

Я не без усилия кивнула, не понимая до конца, что случилось и что с этим делать.

– Ты… – начала я, но голос у меня сорвался. – Я хочу сказать…

– Со мной все нормально, – повторил отец. Он нагнулся поднять пакет, и я заметила, что у него трясутся руки.

Отец взял связку ключей и пошел к машине, собираясь сесть за руль. Ключи позвякивали в трясущейся руке. Еще не понимая, что собираюсь делать, я шагнула к нему и протянула руку за ключами. Он посмотрел на меня, и я

увидела трогательное выражение покорности на его лице.

Он позволил мне забрать ключи и, не говоря ни слова, обошел машину. Открывая дверь со стороны водителя, я увидела под ногами разбросанные палочки лакрицы. Пластиковый пакет застрял под колесом микроавтобуса, стоявшего через два парковочных места от нас. Я села в машину и потянулась к пассажирской двери, чтобы ее открыть, и тут увидела рыжеволосую девушку, все еще стоявшую в дверях магазина. Она помахала мне рукой, и я кивнула в ответ, стараясь не обращать внимания на ее встревоженный вид.

Отец осторожно сел на пассажирское сидение. Я положила зеленую коробку и сумку на заднее сиденье и отрегулировала положение водительского кресла. Отец был высокий, поэтому, когда я садилась на место водителя после него, у меня ноги не доставали до педалей.

Бо льшую часть дороги до дома мы проехали в молчании. Отец отвернулся и смотрел в окно, и я не могла определить, по-прежнему ли он испытывает боль или приступ прошел, но не знала, как спросить его об этом. После того разговора в столовой в день моего рождения мы очень мало обсуждали его болезнь. Я даже и не пыталась заговаривать с ним на эту тему. Он делал вид, что все нормально, и эта недосказанность между нами не позволяла мне поднимать вопрос о его здоровье.

Я больше не могла выносить молчание.

– Ты заметил название зоомагазина? – краем глаза посмотрев на отца, я увидела, что он улыбнулся.

– Заметил, – ответил он и повернулся ко мне: – И решил, что название громоздкое.

Я хихикнула, услышав такой каламбур, но, по-моему, он как раз этого и ожидал. Я немного успокоилась, напряжение в машине как будто спало, и стало чуть легче дышать.

– Ого, – сказала я, повернув на Причальную улицу, – ты это выдал прямо без паузы[6 - Обыгрывается одинаковое звучание по-английски выражений «без паузы» и «не отрывая рук». Вероятно, имеется в виду, что отец скаламбурил

сразу после приступа.]. – Отец захохотал.

– Мило, – подтвердил он, что было его высшей похвалой моему экспромту.

Припарковав машину рядом с маминой, я заглушила двигатель, но мы не двинулись с мест.

– Нашла работу – это действительно хорошая новость, – устало произнес отец. – Жаль, если она потеряется в…

Я кивнула и провела пальцем по трещине на кожаной оплетке руля. Если приложить усилие, ее, вероятно, можно сорвать.

– Итак, – нерешительно начала я, – может, стоит… ну, знаешь… поговорить об этом?

Отец кивнул и слегка поморщился:

– Разумеется, если хочешь.

Меня охватила злость.

– Я хочу?! – резко сказала я, жалея о каждом сказанном слове. – Мы все здесь и только делаем вид, что ничего не происходит… – Приступ злости прошел очень быстро, и я оборвала себя на полуслове. Мне вдруг стало стыдно. Я понимала, что кричать на отца – последнее дело, и начала извиняться. Отец кивнул.

– Поговорим, – сказал он и отвернулся к застекленной террасе. – Выскажем все недомолвки. – Вдруг я почувствовала, как слезы наворачиваются на глаза, и изо всех сил постаралась не расплакаться. – Все, чего бы мне сейчас хотелось, это нормально провести со всеми вами оставшуюся часть лета. Что ты об этом думаешь? – Я кивнула. – Защита выступление закончила.

Я улыбнулась – это выражение из судебной практики он использовал всякий раз, когда хотел показать, что тема закрыта, – но не могла избавиться от желания получить ответ на вопрос, который мучил меня с тех пор, как ему поставили диагноз.

– Я просто…

Отец приподнял брови, было заметно, что он выглядит бодрее, чем несколько минут назад. И если бы я не знала о недавнем приступе, не видела его своими глазами, то могла бы поверить, что отец здоров.

– Что, малыш?

Его вопрос заставил меня улыбнуться, хотя по-прежнему казалось, что я вот-вот заплачу. Так звал меня отец. Только меня. Джелси была «принцесса», Уоррен – «сынок». Я – всегда его «малыш».

Глядя на него, я размышляла, хватит ли у меня смелости спросить о том, о чем думала чаще всего с тех пор, как он объявил нам о своем диагнозе. И не знала, потому что этот вопрос шел вразрез со всем, что я думала об отце. Это он всегда шел смотреть, не забрались ли в дом воры, когда маме казалось, будто она слышала подозрительный шум. Это его мы звали, обнаружив в ванной паука. Это он в детстве брал меня на руки и нес, когда я уставала. Это он, как я верила, мог победить обитающих в шкафу чудовищ. И я не была уверена, будет ли у меня еще возможность спросить.

– Тебе страшно? – почти прошептала я, но по тому, как он поморщился, поняла, что он меня слышит.

Он ничего не сказал, только утвердительно кивнул.

Я тоже кивнула.

– Мне тоже.

Он грустно улыбнулся, и мы еще некоторое время посидели в молчании.

По нашей улице проехал рейсовый автобус и остановился напротив соседнего дома, того самого, на котором была вывеска «Настроимся на лето». Из автобуса вышла темноволосая девочка в белом теннисном костюме. Пока она шла по подъезной дорожке к своему дому, я успела заметить, что она явно чем-то недовольна. Вскоре девочка скрылась за деревьями.

– Ты это хотела узнать? – спросил отец, когда девочка скрылась из виду, а рейсовый автобус поехал дальше.

– Да, – ответила я.

Он взъерошил мне волосы. И хоть между нами не приняты проявления нежности, я, сама того не замечая, придвинулась к отцу, а он обнял меня за плечи и прижал к себе. Так мы сидели некоторое время, потом одновременно отпрянули друг от друга, как будто заранее об этом договорились.

Я вышла из машины, открыла заднюю дверь, достала сумку, коробку из булочной со злополучным печеньем и пакет из «Хенсонз Продьюс», который отец позволил мне нести.

Мы поднимались на крыльцо, отец держался за перила, и вдруг он остановился и повернулся ко мне. Он улыбался и поэтому выглядел менее усталым.

– Метаморфоза, – сказал он.

Я нахмурилась, пытаясь понять, что он имеет в виду.

– Слово из одиннадцати букв, означающее «перемена», – продолжил он и, довольный собой, повел бровями.

– Может быть, – сказала я. При виде лежащей на столе газеты с кроссвордом мне захотелось подбежать к ней и выяснить, подойдет ли слово «метаморфоза». – Сейчас узнаем.

Глава 9

– Джелси, поехали! – Я уже десять минут стояла на подъездной дорожке с ключами в руке. Мне давно надо было выезжать. Хоть у меня и не было опыта работы, мне казалось, что опоздание в первый же рабочий день начальство вряд ли одобрит. На первое в этом году занятие по теннису Джелси собиралась

поехать на велосипеде (моем старом велосипеде, для которого я выросла), но у него спустила шина, а Джелси раскапризничалась, так что мне предстояло ее подвезти.

Парадная дверь громко хлопнула, и на крыльцо вышли Джелси и мама. Я обратила внимание, что мама стоит перед дверью так, что можно подумать, будто она ее загораживает, не давая Джелси вернуться в дом.

– Ну наконец-то, – вздохнула я. – Я опаздываю.

– Успеешь, – сказала мама, а Джелси только сердито посмотрела на меня, как будто я во всем виновата. Мама пригладила ей волосы и одернула рукава белого теннисного костюма, который носила я, когда мне было двенадцать.

– Ты готова? – спросила Джелси, как будто это я ее задерживала, вырвалась из маминых рук и спустилась к машине.

Отец, прикрывая ладонью глаза от солнца, сделал к нам несколько шагов из гаража, где чинил велосипеды.

– Желаю удачи в первый день, – крикнул он. – К вашему возвращению велосипеды будут готовы. Так что завтра поедете на них.

– Отлично, – я постаралась, чтобы мой голос звучал бодро, одновременно пытаясь прикинуть, сколько лет прошло с тех пор, как я последний раз каталась на велосипеде.

– Желаю интересно провести время, – крикнул отец. – Великих свершений!

Я обернулась, чтобы помахать, но отец уже подошел к верстаку и, напевая что-то себе под нос, взялся за насос.

– Ну, теперь мы можем ехать? – высокомерно спросила Джелси.

Я собралась ответить ей в той же манере и, может быть, даже прочитать нотацию о том, что это из-за нее мы до сих пор не выехали, но поняла, что на ссору у нас нет времени.

– Счастливо, – крикнула с крыльца мама, улыбаясь мне.

Я не была уверена, имеет ли она в виду мой первый рабочий день или доставку Джелси на теннис в целости и сохранности, но вяло улыбнулась в ответ, открыла дверь и села за руль.

Я завела мотор, стараясь не думать, что у меня есть всего лишь семь минут, чтобы подбросить сестру в пункт назначения и доехать до пляжа; не говоря уже о том, что Джиллиан дала мне самые расплывчатые указания насчет того, к кому обратиться, явившись на работу. Оказавшись вне поля зрения родителей, я прибавила ходу и поехала с гораздо большей скоростью, чем рекомендуемая. «Пожалуйста, не гоните!» – просили щиты с социальной рекламой, часто попадавшиеся по дороге.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

«Спящий лагерь» – название фильма ужасов, в котором необщительную девочку в летнем лагере обижают и подростки, и взрослые, но вскоре ее обидчики погибают от рук таинственного убийцы.

2

Куджо – кличка сенбернара из фильма ужасов режиссера Льюса Тига, снятого в 1983 году по одноименному произведению Стивена Кинга.

3

Классическая серия детских произведений, изначально созданных американской учительницей Гертрудой Чендлер Уорнер и опубликованных в 1924 году.

4

Латинское название пауков-сенокосцев, или пауков-долгоножек.

5

Частная почтовая служба срочной доставки посылок и бандеролей.

6

Обыгрывается одинаковое звучание по-английски выражений «без паузы» и «не отрывая рук». Вероятно, имеется в виду, что отец скаламбурил сразу после приступа.

Купить: https://tellnovel.com/ru/metson_morgan/leto-vtorogo-shansa

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить